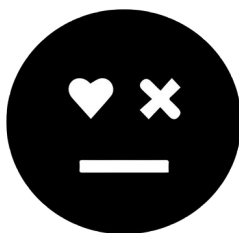

MAN, DEATH & ETHICS

I часть

Пролегомены, вариант I.....	2
Пролегомены, вариант II.....	3
Пролегомены, вариант III.....	4
Ошибка Аристотеля.....	5
Догадка Витгенштейна.....	23
Идея развития.....	27
Древо познания.....	35
Время Хайдеггера.....	78
Итог.....	85
Литература.....	87

Прологомены, вариант I

1. Добро и зло не сущности, а параметры. Единственным моральный фактом является смерть, а мораль становится отношением к смерти: всё то, что ведет систему к гибели – зло; всё то, что преодолевает смерть системы – добро. Аргумент открытого вопроса снимается без апелляции к натуралистической ошибке.
2. Все проблемы связаны со смертью. То, что не ведет к смерти – не проблема. Любое препятствие, преграда, трудность, предел составляют для нас проблему только в том случае, если мы знаем, как она может убить нас.
3. Чтобы понять смерть как проблему, нужна система времен. Любое «понимание» это перенос реального события как абстрактного символа из прошлого в будущее, а затем восприятие абстрактного будущего в реальном настоящем. Единственная известная система, умеющая оперировать временем – человеческий язык. Человек – единственная социально-когнитивная система, понявшая смерть как проблему.
4. Этика – метод развития, проявляется преодолением проблем: исследованием, творчеством, трудом, волей и подвигом.
5. Цель развития – преодоление проблемы. Начиная от ситуативных проблем: голода, холода, болезней, внешних угроз; до абсолютной проблемы: смерти как таковой. Преодоление «ломает» гильотину Юма феноменом воли, поскольку «преодоление» – это переход от естественно существующего к разумно предписанному.
6. Выживание и преодоление смерти не одно и то же. Выживание – это избежание смерти, отбор форм и поведений, позволяющих не сталкиваться с проблемой. Смерть для отбора – средство развития, а для преодоления – предмет развития.
7. Достижение цели развития есть переход системы в новое качественное состояние. Новый мир и Новый человек, не имеющие проблемы смерти, не будут иметь необходимости в морали и этике.

Прологомены, вариант II

1. Акт понимания смерти рождает сущность человека. Исходя из этого определения, любая социально-когнитивная система, понимающая смерть, будет человеком, начиная от любых живых существ до ИИ.
2. Понимание возможно только в системе времен языка. Система времен – определяющее качество человеческого языка в отличие от всех других систем обмена информацией, начиная с природных РНК/ДНК до сигнальных коммуникативных систем животных. Собственно, абстрактная «машина времени» языка и есть разум.
3. Разум дает возможность отношения к смерти. Понимая то, что приводит к смерти или то, что преодолевает смерть, у человека возникает отношение к смерти.
4. Отношение к смерти – это дихотомия добра и зла. Таким образом, «добро» и «зло» не сущности, а параметры отношения к смерти как к единой сущности.
5. Этика – метод развития. Зная предел и его параметры, мы получаем возможность преодолеть предел. Теперь человеку не достаточно только функции имеющихся инструментов, как у обычных животных. Если известно, как функция может быть выполнена хуже или лучше относительно смерти, то запускается маховик развития, у которого возникает цель.
6. Цель развития – преодоление смерти. Все проблемы сводятся к смерти. То, что не приводит к смерти – не является проблемой, не дает возможности этической оценки, не дает возможности развития и преодоления.
7. Достижение цели развития системы это переход системы в новое качество. После преодоления смерти не будет необходимости в отношении к смерти: морали и этики, а также развития и преодоления. Новый мир определит для Сверхчеловека новые параметры, пределы и сущности.

Прологомены, вариант III

1. Предмет: феномен осознания смерти. Гипотеза: «осознание смерти» есть самостоятельное, уникальное в природе явление, породившее систему нового качества: «человека». Только осознание смерти дает возможность «отношения к смерти».
2. Отношение к смерти формирует «мораль», как опыт гибели систем и «этику», как метод преодоления гибели. Этический метод дает человеку уникальную способность преодоления «проблем» вообще, и «проблемы смерти» в частности.
3. Живая природа «не знает» о смерти, поэтому она развивается не методом, а «естественным отбором» случайных ошибок. Поскольку природа не хранит опыт и не имеет отношения, смерть является для природы средством развития. Преодолеть смерть как проблему смертью как средством невозможно.
4. Слово «человек» относится не к «личности» отдельно или «обществу» отдельно, а к системе «индивидуум-социум». Определяя «человека» как социально-когнитивный феномен, как «система, понявшая проблему смерти», мы разрываем привязку понятия «человек» к виду животных *Homo Sapiens*. Человеком можно назвать любую социально-когнитивную систему, понявшую проблему смерти.
5. Феномен «понимания» чего бы то ни было, собственно разум – это система абстрактных символов в системе времен. «Понимание» любого явления обязательно предполагает движение абстрактной модели этого явления в абстрактном времени относительно реальности. Математика без системы времен своих абстрактных символов не является полноценным языком, даже имея средства рекурсии.
6. Развитие есть переход в другое качество, преодоление предела явления. Таким образом этика – метод развития.
7. Идея развития для человека: «преодоление проблемы смерти». Вне предела окажется уже не человек, а «сверхчеловек», или «Новый Человек». Ценности, идеи и проблемы Нового мира будут качественно иными.

Ошибка Аристотеля

To be, or not to be, I there's the point...

– William Shakespeare, *Bad Quarto*

Рассматривая сочинение Аристотеля «Никомахова этика», мне хотелось бы обратить внимание на ключевой момент, который характеризует общепринятый и ошибочный подход во всех исследованиях вопроса «добра и зла» до наших дней.

Аристотель смотрит на «благо» как на отдельный предмет: «...как принято считать, [всё] стремятся к определенному благу. Поэтому удачно определяли благо как то, к чему всё стремится.» Как будто «добро» это нечто, что можно определить или воспринять; явление, к которому можно прийти; как если бы это была некая самостоятельная сущность. Но это совершенно не так.

Это положение – ошибка, сводящая все этические рассуждения от Аристотеля до Джорджа Эдварда Мура к неизменно противоречивым результатам. Рассуждение, отталкивающиеся исключительно от «блага», подразумевает упрощение: как будто «зло» – это само собой нечто противоположное «добру», как некое «добро со знаком “минус”», антидобро. Но зло может быть совершенно не равно «добру со знаком “минус”», как и «зло со знаком минус» не соответствует добру:

$$З \neq - (Д) \text{ или } Д \neq - (З)$$

Я утверждаю, что "добро" как сущность, служившая "отправной точкой" в рассуждениях Аристотеля, было выбрано неправильно. Неправильно говорить о "добре" вне его постоянной связи со "злом", наделяя их свойствами неких независимых друг от друга сущностей. Мы не должны забывать, что "добро и зло", "благо и вред", "добродетель и порок" – это дихотомия. Итак, когда речь заходит о таком явлении, как дихотомия, представление подклассов как самостоятельных сущностей влечет потерю общего смысла дихотомизирующей системы, дихотомизирующей сущности. Потеря смысла системы «добра и зла» происходит в тот

момент, когда мы заменяем одну общую истинную сущность одним из ее подклассов, при этом наделяя подкласс полным сущностным, или полным объектным характером. И тогда мы уводим себя от истинного предмета исследования. Если у нас нет истинной сущности, то мы можем говорить о чем угодно, но только не об истине. Печально, что все без исключения философы, следуя Аристотелю, упорно повторяют эту ошибку; хотя дихотомия моральных категорий известна всем.

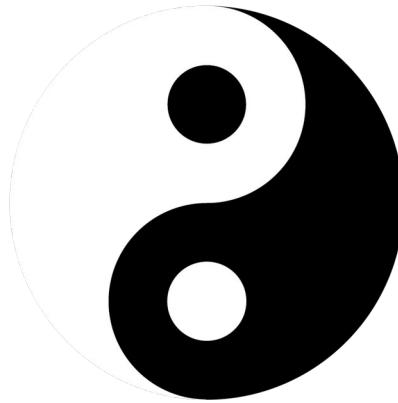

Рис. 1. Графическая дихотомия: фокус в том, что здесь нарисован только черный подкласс, а белый, совершенно не будучи нарисованным, проявляется сам.

Не будучи отдельными сущностями, "добро" и "зло" не могут быть и сами по себе целями, к которым мы могли бы стремиться. *И по этой причине "добро" ошибочно было объявлено тем, к чему всё стремится.* «Добро и зло» это параметры, указатели уровней, или отношения, которые позволяют нам прийти к желаемой цели или желаемой сущности. Таким образом: как субстратом, так и результатом действия морального выбора является то, к чему выражается отношение с помощью понятий "добра и зла". Остается выяснить, что же это за фундаментальная сущность, которая может проявить себя практически в любом окружающем нас явлении.

Разберемся с этим на примере любого прибора, который мы используем: спидометр, альтиметр, термометр, указатель количества топлива. Приборы являются отличными примерами этического метода, они раскрывают механику его работы. Итак, любой прибор предназначен прежде всего для того, чтобы показать, существует контролируемый нами процесс или гибнет. На приборах мы видим с одной стороны «допустимый диапазон»

бытия того процесса, который был нами запущен, существование его прямо сейчас. А с другой стороны «недопустимые параметры» бытия процесса, когда он направляется к гибели. И для нас важна опасность его смерти, потому что для нас важно, чтобы бытие процесса продолжало существовать.

Если вы печете пирог, то когда вы контролируете выпечку по термометру, то процесс уже идет, пирог уже печется, процесс уже существует. Теперь рассмотрим процесс выпечки химически. Как известно, выпечка – это реакция Майяра, соединение аминокислот с сахарами. Идеально она существует в диапазоне от 110 градусов цельсия до 140 градусов. Происходит формирование полного вкуса, который представляет собой многочисленные перегруппировки молекул, появляется идеальная коричневая корочка, и характерный приятный аромат. До 110 градусов реакция Майяра будет недостаточной, и «выпекания» как мы его знаем – коричневой корочки, полного вкуса и запаха у пирога не будет. Он просто сварится, и как выпечка существовать не будет. Это будет вареное недопеченное тесто, сырая или безвкусная начинка. Напротив, выше 140 градусов произойдет карамелизация сахаров, а выше 200 градусов и сгорание углеводов – так выпечка тоже погибнет.

В этом примере мы видим, что у нас есть показатели «блага» для выпечки – от 110 до 140 градусов, а так же показатели «зла» – до 110 или свыше 140 градусов. И вроде бы мы на самом деле стремимся к «благу», избегая «зла». Именно как говорил нам Аристотель. Но так ли это на самом деле? Можно ли сказать, что мы получили сущностное благо в конце процесса, если он нас удовлетворил? Нет, мы получили хорошую выпечку и ничего больше. Даже хороший, вкусный пирог – это не *«то, к чему всё стремится»*, это не сущностное благо. Если мы недопекли пирог или сожгли его – мы тоже не получили сущностное зло. Единственное, что произошло – погибла выпечка, которая была нам нужна, но больше ничего.

Значит, контролируя выпечку параметрами «добра и зла», мы не стремились к «добру» как таковому. Так же, как мы на самом деле не воплотили никакого «зла», если мы плохо проконтролировали выпечку и сожгли пирог. В сущности, этический метод на приборе мы использовали, чтобы не допустить гибели процесса, который был нам важен. Поэтому Этика – это именно «метод» именно «преодоления» именно «гибели», которая угрожает бытию нужного нам процесса. Эту технику можно приложить к любым жизненным ситуациям.

Искомая нами сущность, которую мы отслеживаем по этическим параметрам на приборах это именно «угроза гибели» процесса. Важно ухватить это различие. Существование процесса мы уже имеем, он есть «существующий» прямо сейчас. А вот реагировать по сигналу параметров мы будем только в ответ на возможные проблемы процесса, о которых сигнализирует прибор, показывая на шкале недопустимые параметры.

Таким образом, когда мы видим благоприятный диапазон параметров: это «благо» для процесса, но не сущностное благо, а параметр сущности процесса. А неблагоприятный диапазон параметров: «зло» для процесса, но не сущностное зло, а нежелательный параметр для сущности процесса.

Еще один момент: одна и та же скорость, например 200 км/ч для самолета будет слишком низкой и опасной – тогда самолет рискует каждую секунду обрушиться в штопор, потерять опору в воздухе и погибнуть. А вот для автомобиля достижение такой скорости наоборот, грозит повышенной опасностью – от неожиданного столкновения с препятствиями до буквально «взлета» автомобиля, что тоже грозит ему аварией. Значит в самой скорости «200 км/ч» нет ни злого, ни доброго начала. Наше отношение к этой скорости будет меняться в зависимости от ситуации на прямо противоположное. И это очевидно.

Сама по себе цифра на высотомере указывает на положение самолета над поверхностью земли. И цифра становится «плохой», только когда указывает собой на положение, означающее возможность гибели самолета, и «хорошей», если полет может и дальше безопасно продолжаться. Пилот с помощью такого отношения к цифре: зная, какие из них «хороши», а какие «плохи», принимает усилия в направлении показателей «добра» на приборах, и избегая приближения к показателям «зла». Так пилот достигает не «добра» самого по себе, и избегает не «зло» как отдельную сущность. Так же можно упомянуть, что одни и те же цифры на спидометре могут означать «зло» для самолета в одной ситуации, и «добро» в другой. И в этом нет противоречия, а ситуация понимаема нами со всей очевидностью.

Из рассуждения о приборах так же следует, что для любого индикатора важны в первую очередь показатели «зла». Иногда прибор вырождается в «красную лампочку» индикатора опасности, который просто сигнализирует о потере «блага» в процессе. И, как на иллюстрации 1, даже если «добра» на таком индикаторе нет, оно все равно всегда присутствует там

«негорением красной лампочки». Значит, для познания «блага» нам всегда нужен показатель «зла». А самое главное, что мы убеждаемся в неразделимости наших параметрических категорий. Нельзя быть уверенным в получении нужного нам результата процесса, руководствуясь только показателями «добра». На любом приборе нам важны показатели «зла». Параметрические «добро и зло» неразделимы – поэтому они и представляют собой дихотомию.

Поэтому «добро и зло» не могут и не должны быть разделены, если мы хотим получить от них пользу. Мы всегда должны знать диапазон обоих параметров, чтобы находить правильный путь. Если наши приборы будут показывать только диапазон «добра», то как мы избежим «зла» не зная, где оно находится?

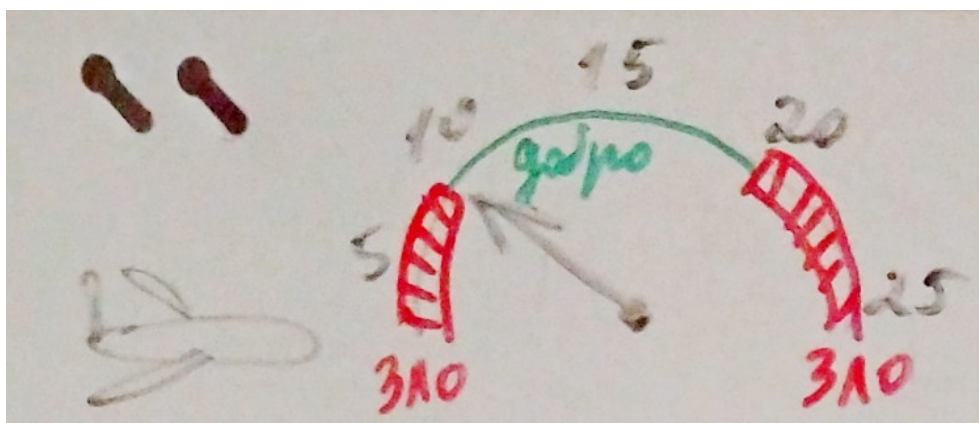

Рис. 2. Это означает, что диапазон с 10 до 20 (каких-то показателей) безопасен для полета, а меньше или больше означает гибель самолета

В этот момент рассуждения нам может показаться, что этический метод сводится к «выживанию» некого сущего, но это не корректно. Понятия «преодоление смерти» и «выживание» не вполне тождественны. «Выживание» адресует в первую очередь к энергии жизни, которая есть и ищет путь своего продолжения, не обращая внимания на проблемы, и даже не зная о них. Выживание – это путь естественного отбора. Средство отбора на пути выживания: смерть. Чем выше энергия живых систем и количество попыток, тем скорее система отбора получает «правильный» вариант. Не важно, в чем состоит проблема, важно найти и закрепить такое поведение и форму существования, которое не

сталкивается с проблемой. Действительно, хоть проблем бесконечно много, но животные обходятся без их исследования. За получение инстинкта как правильного пути мимо проблем, они платят жизнями «неправильных ответов». В результате эволюции отбора гибнут все «неправильные ответы», а «выживают» только правильные. «Выжившие» это и есть «правильные ответы» в чистом виде.

«Преодоление смерти» для человека, напротив, подразумевает понимание источника опасности, и требует его исследования. Преодолеть можно только то препятствие, которое понимаешь, и которое предстоит в будущем. Важно упомянуть время, т.к. если мы говорим о бытии и проблеме как прекращении бытия, то преодоление проблемы – это действие, направленное на то, что только предстоит бытию. Т.к. столкновение с проблемой уже означает прекращение существования, прекращение бытия.

Кстати, в понимании различия между «выживанием» и преодолением смерти разрешается проблема тождества личности. Можно согласиться с Дерекком Парфитом и Дугласом Эрингом, что тождество действительно не важно для выживания именно потому, что выживание это не преодоление. Если выживание, как мы его здесь уточнили – это процесс, существующий только здесь и сейчас, как мгновенное действие существующего. Выживание в нашем понимании не воспринимает будущее или прошлое, поэтому не понимает проблем, и не имеет отношения к проблемам. Поэтому выживание не имеет этики и проблемы моральной ответственности. Поэтому живая природа не имеет этики.

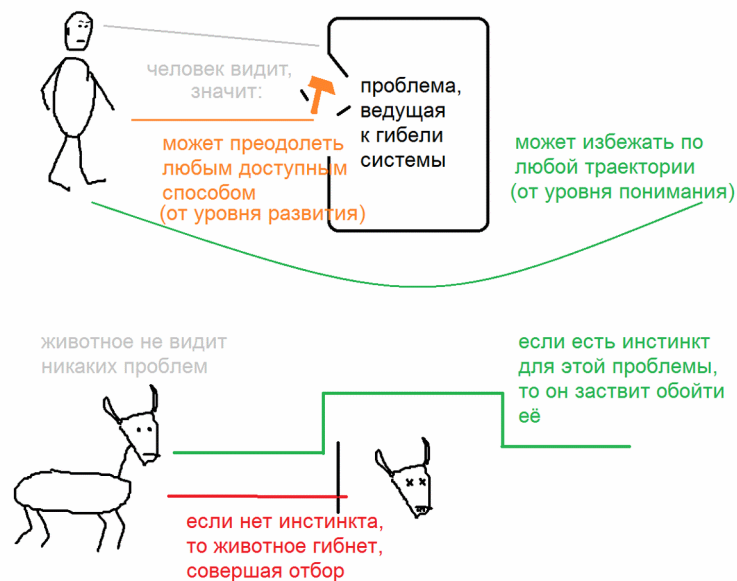
Для человека как для системы понимающей проблемы, важнее развитие как преодоление проблем. И каждая преодолённая проблема меняет качество системы, преодолённой проблеме. Начиная от преодоления холода разведением огня до преодоления смерти ритуалом. Пусть это реальное и условное преодоление, но всё вместе оно ведет к абсолютному преодолению и абсолютному изменению качества системы. В любом случае система меняет качество, значит она уже не тождественна себе предыдущей. Значит, если для выживания тождество не имеет значения, то для человека развитие важнее тождества.

Только развитие как преодоление имеет отношение к морали, а следовательно и к моральной ответственности. Для реализации ответственности мы создали специальный инструмент: систему юридической и культурной идентификации, подтверждающей как тождество личности, так и культурную

идентичность. При этом очевидно, что идентификация личности абстрактна, и она требует существования системы времен. И если для понимания проблем система времен нужна, чтобы выявить изменение идентифицированной сущности во времени. То она может сделать и обратное: поддерживать идентификацию изменяющейся переменной, в данном случае личности. Если бы сущность не менялась, то время не понадобилось бы.

Смена паспорта по возрасту, соответствующая разному состоянию личности в разном возрасте, это косвенно подтверждает. Если смотреть объективно, то личность как минимум три раза меняется на протяжении жизни и ментально, и физически. Это детство, зрелость и старость. Эти три периода означают три совершенно разных на физиологическом и ментальном уровне организма. В детстве организм физически и ментально растет и развивается, имеет ограниченные социальные роли, ограничения правоспособности и дееспособности. В зрелости организм имеет наибольшую эффективность, физическую и психологическую силу, реализует свободную волю, принципиально неограниченный выбор социальных ролей как свободу личности, выбирает пути развития, при этом характеризуется исключительной физической стабильностью. В старости организм активно теряет все свои функциональные способности и социальные кондиции. Все это явным образом отражается на каждой личности. Мы убеждаемся, что физически, на практике фактического тождества нет, а есть только абстрактное, социально значимое тождество. Реализуемое для воспроизведения моральной ответственности. Это положение подтверждает опыт племени пираха, где члены племени несколько раз в жизни меняют имена и личности, чувствуя в своем вневременном бытии качественные изменения. Именно потому, что в языке пираха нет форм прошедшего и будущего времени.

Преодоление оказывается на порядки эффективнее выживания. Понимание и исследование проблемы позволяет сделать с проблемой что угодно: обойти ее по любой траектории, а не только по той, что закрепилась отбором. Разрушить проблему. Преобразовать проблему, сделав её опорой для дальнейшего развития. Так, мы уничтожили вирус натуральной оспы в одном случае. А в другом случае взяли аденовирус и использовали его как вектор для вакцины против COVID-19.

Рассмотрим эту разницу на еще одном примере. До появления самолетов люди сами по себе не летали, и поэтому отобранных эволюцией инстинктов, поведенческих программ для безопасного полета у нас нет. Но опытные пилоты учатся распознавать опасные ситуации благодаря ощущениям от полученного опыта, и по показаниям приборов. Приборы в самолете сложнее тем, что «добро и зло» проявляют себя не однозначно, как на термометре при испечении пирога, а в сложном соотношении показателей разных приборов. Теперь представим, что в кабине самолета сидит неопытный пилот: он знает, как надо правильно лететь, но он еще не способен вовремя распознать, как самолет переходит к опасному режиму. Его ощущения еще не закрепились, а быстро понять сложные соотношения показаний приборов он не может. В этом случае, при появлении проблемы с самолетом, пилот остается спокоен: ведь он жив, его инстинкты молчат, и он не пытается «выживать», хотя самолет уже приближается к гибели. Не зная о том, каким образом к нему приближается смерть, пилот не пытается преодолеть проблему. «Выживание» в чистом виде не помогает. Но вот наступает момент, когда пилот понимает, что показания приборов выходят из допустимых параметров: он узнает о проблеме. Какие действия должен сделать пилот? Инстинктов полета у него нет, т.к. он не птица, и положиться на инстинкты он не может. Значит, перед тем, как произвести действия для спасения самолета, пилот должен

знать, какую именно проблему нужно преодолеть. Он должен понять, в чем именно состоит проблема. Самолет слишком опустил нос или слишком задрал нос при заданной скорости и текущей высоте. Скорость слишком большая или слишком маленькая для известного веса и размера самолета. Высота слишком большая или слишком маленькая при имеющемся рельефе местности. И так далее. Но только после понимания можно будет преодолеть проблему: только после того, как летчик узнает, в чем именно состоит проблема полета. Так мы видим, в чем разница между «выжить» и «преодолеть проблему». Конечно, в обычной жизни мы можем употребить оба этих понятия в одной и той же ситуации, но по сути «выживание» это скорее животное состояние, связанное с инстинктивной и рефлексивной активностью по избеганию проблем «здесь и сейчас» и всегда в настоящем моменте. В то время как «преодоление проблемы» чисто человеческое состояние, связанное с пониманием происходящего в динамике системы времен: будущего, прошлого и настоящего.

Зафиксируем ситуацию: неопытный пилот в падающем самолете вполне мотивирован к жизни, и он хочет жить, и хочет быть счастливым, испытывать удовольствия. Но эти желания сами по себе никак не мотивируют его, если он не знает о возникшей проблеме. Мотивирует пилота только знание о проблеме.

Так, мы ясно видим: категории «добра и зла» показывают нам отношение именно к «проблеме», а не к «жизни», «бытию», «счастью» или «удовольствию». Если мы начнем с понимания отдельного «блага»: жизнь, счастье, всеобщее благо, увеличение всеобщего удовольствия и так далее – мы придем только к противоречиям, о чем будет рассказано далее.

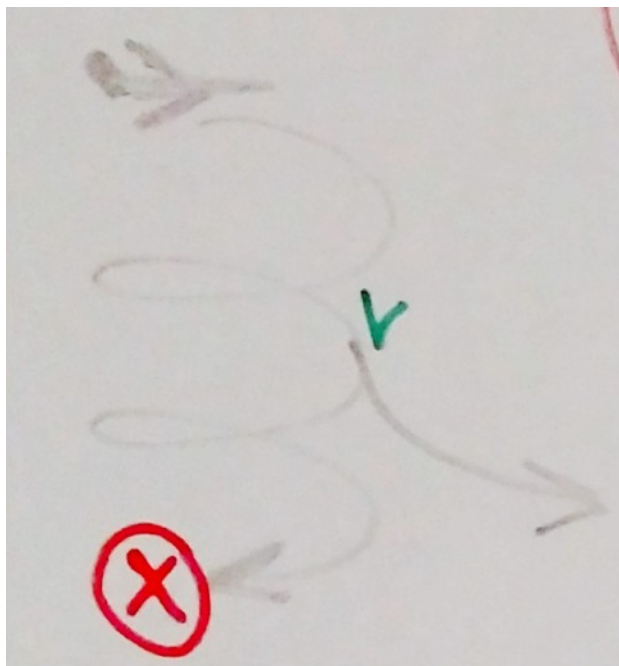

Рис. 3. Если неопытный пилот не знает о штопоре, то само по себе желание «выжить» никак не поможет ему, т.к. пока самолет не упадет, жизни пилота ничто не мешает. Но только пилот, знающий о быстро приближающейся из-за штопора смерти, может предпринять действия, чтобы избежать будущей, существующей только в абстрактной модели, и еще не существующей для него в реальности гибели. Так одно только «знание о смерти» оказывается эффективнее «выживания».

Вообще, если мы хотим оценить полет в целом, то нами оценивается именно способность «преодоления гибели» во всем процессе полета, а не только его результат: «выживание» пилота и пассажиров. Только не имевший аварий и не потерпевший катастрофу полет будет однозначно «добрым» для летчика. Если же в полете случилась авария, пусть и не приведшая к катастрофе, но угрожавшая катастрофой, то этот полет мы назовем «плохим», хотя результат обоих полетов: «выживание», был в обоих случаях. Дело в том, что если мы знали о риске смерти в аварийном полете, который был значительно выше, чем в «хорошем» полете без аварии. Так мы видим, что этика оценивает успех процесса «преодоления смерти», а не результирующее «выживание».

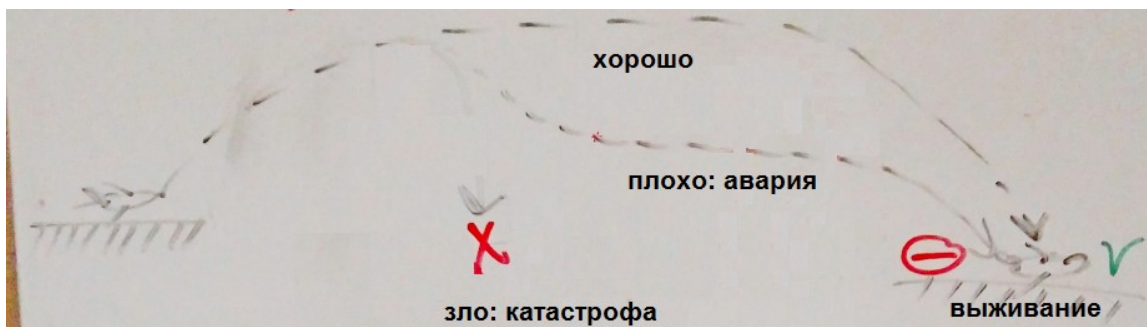

Рис. 4. На рисунке «выживание» соответствует и «хорошему» и «плохому с аварией» полету. Таким образом, «добро и зло» не соответствует «выживанию», а выражает отношение к «проблеме гибели», которая и дает оценку «плохо» полету с аварией.

Еще мы можем выявить сущностную привязку «добра и зла» полностью абстрактно: например как в случае игры, когда один человек ищет предмет в комнате, а другой ему подсказывает: «холодно» – «теплее» – «холоднее» – «жарко», – и мы понимаем, что лишь условно окрашиваем близость к цели некой физической коннотацией, когда ищущий приближается к спрятанному предмету, и «теплее» или «холоднее» обозначает приближение или удаление от цели, но не физическую температуру цели. Искомый предмет не источает тепло, а наделяется таким свойством для удобства коммуникации. Поэтому слова «тепло» / «холодно» можно без потери смысла описанной игры заменить на «позитив» / «негатив», или «хорошо» / «плохо», и, наконец, «добро» / «зло». По сути, ничего не изменится. Поэтому «добро» и «зло» сами по себе не хороши и не плохи, они лишь позволяют человеку искать некую фундаментальную сущность. И эта сущность в результате игры не явится нам в виде «добра» или «зла», воплощенного «негатива» / «позитива», «теплоты» / «холода», как вы уже догадались.

Отметим интересный момент: результат игры обнуляет «добро и зло». После нахождения искомой сущности эти категории нас больше не интересуют.

Далее, необходимо внести ясность в следующее высказывание Аристотеля: «В целях, однако, обнаруживается некоторое различие, потому что одни цели – это деятельности (*energeiai*), другие – определенные отдельные от них результаты (*erga*). В случаях, когда определенные цели существуют отдельно

от действий (praxeis), результатам естественно быть лучше [соответствующих] деятельности.»

Не понятно, зачем Аристотель определил цели двояко: как «деятельности» и как «результаты». По идее, только «деятельность» ведет к «результату». Может ли быть «деятельность» самой по себе, как цель, которой не нужен порождаемый ей «результат»? Наверное, может, но тогда, если «результат» такой «деятельностью-целью» все же порождается, то может ли он быть нежелательным в том смысле, что такая «деятельность-цель» должна быть всегда неоконченной или нескончаемой? И не проще ли в таком случае называть «деятельность-цель» просто «целью», а усилия, не позволяющие ей результировать – «деятельностью»? По крайней мере тогда нам не придется смешивать понятия между собой. Когда Аристотель упоминает «цели, существующие отдельно от деятельности», то какую цель мы можем достичь, ничего для этого не делая? Нужна ли нам «цель», которую никак не надо достигать? Ни физическими действиями, ни мыслями – имея в виду даже желание. Ведь в таком случае мы правильнее назовем это не «целью», а «данностью».

В дальнейшем Аристотель делает все же попытку разобраться с целями и деятельностями более конструктивно, но поскольку точка отсчета выбрана неверно: стремление к «благу» как к несуществующей цели, то логически к «пониманию проблемы» он так и не приходит, раз за разом возвращаясь то к «счастью», то к «жизни»:

«...Между тем все сообщества – это как бы члены (morioi) государственного сообщества: они промышляют что-то нужное, добывая что-нибудь из необходимого для жизни...; ...ибо государственные взаимоотношения ставят себе целью не сиюминутную пользу, а пользу для всей жизни в целом...; ...если для всего, что делается (ta prakta), есть некая цель, она-то и будет благом, осуществляемым в поступке (to prakton agathon)...; ...счастье как цель действий – это, очевидно, нечто совершенное, [полное, конечное] и самодостаточное...»

Так, пытаясь натурализовать «благо», Аристотель подводит нас к понятию «благо государства», что может быть истолковано как «благо общества ради блага человека», как к цели любой деятельности. Но если, как мы выяснили ранее, «благо» само по себе ничего не значит, а это лишь параметр, или ориентир в процессе достижения какой-то цели, то Аристотель, делая сшивку «блага» и цели, дает в своем изложении этики ложную цель.

Собственно, он и сам это понимает: «...своего рода расплывчатость заключена в [выражении] "блага", потому что многим от [благ] бывает вред.»

Через несколько предложений мы видим еще один проблеск сознания мыслителя: «...тогда как цель [данного учения] не познание, а поступки.» – то есть в этом месте у Аристотеля видится понимание, что «благо» и «вред» лишь ориентиры для «деятельности» к достижению чего-то, указатели для деятельности, но не сама цель. Однако далее Аристотель вновь пытается определить «благо» как нечто «само по себе», приравнивая его к «счастью», но тут же убеждаясь, что и «счастье» очень относительно, внутренне и внешне противоречиво, поэтому в данном контексте целью быть не может.

Вот хороший момент в рассуждениях: «Что же касается блага, то оно определяется [в категориях] сути, качества и отношения, а между тем [существующее] само по себе (to kath' hayto), т. е. сущность (oysia), по природе первичнее отношения – последнее походит на отросток, на вторичное свойство сущего (toy ontos), а значит, общая идея для [всего] этого невозможна.» Если «суть» и «качество» мы можем отбросить по причине беспредметности «блага» как такового, в чем и сам Аристотель вроде бы убеждается («Следовательно, "благо" как нечто общее, объединенное одной идеей, не существует.»), но раз за разом как бы забывает об этом, то здесь он касается «отношения». А это именно то, что необходимо: параметрическая дихотомия «положительного» и «отрицательного» выражает отношение к некой цели как к сущему. Остается только найти то самое важное, то сущее, к чему выражается отношение.

Вот Аристотель, пробуждая несколько абзацев в рассуждениях, не имеющих точки отсчета, все же снова выдает трезвую мысль: «Не в том ли дело, что все блага из одного [источника] или служат чему-то одному?» – да, именно в этом дело, хочется ответить ему, жаль только, что источник находится совсем в другой стороне от того, где ищет Аристотель.

В итоге, сам Аристотель снимает с себя заботу о поиске единого источника: «Впрочем, сейчас эти [вопросы] все-таки следует оставить, потому что уточнять их более свойственно другой [части] философии, так же как [все] связанное с "идеей" в самом деле, даже если есть единое благо, которое совместно сказывается [для разных вещей], или же некое отдельное само по себе благо, ясно, что человек не мог бы ни осуществить его в

постынке (prakton), ни приобеспечу (kteton), а мы сейчас ищем именно такое.»

Теперь обратимся к той части «Этики», в которой Аристотель все же касается искомого нами предмета, который, с одной стороны, не дает ему добиться стройности в своих этических построениях, с другой, этот предмет сам мог бы послужить прочным стержнем для любых этических поисков, если бы был принят за точку отсчета: **«Now death is the most terrible of all things; for it is the end, and nothing is thought to be any longer either good or bad for the dead.»** – действительно, а ведь «смерть» – это именно то, что понял пока только «человек»: **«...but we are seeking what is peculiar to man.»** И именно смерть, уже по словам Аристотеля, обнуляет «добро и зло». Если мы говорим о «добре и зле» как об отношении к смерти, то не здесь ли заключена вся специфичность «человека»? Да, именно так: вся феноменология человека порождается через его отношение к смерти.

То, как к жизни и смерти относится человек, и как к ней относится природа – принципиально различно. Природа вообще не имеет категорий «отношения»: в природе нет «добра и зла». Но эти категории есть у человека, это они дают ему уникальную специфику. Поэтому, если разобраться в причине существования этих категорий для «человека» – значит получить возможность определить само явление «человек».

Далее Аристотель погружается в циклические обсуждения «золотой середины», раз за разом повторяя одно и то же: *«...имея в виду, что избыток и недостаток губельны для совершенства, а обладание серединой благотворно...»* Если вдуматься в то, что здесь сказано, то возможно, что главное не в том, что именно «избыток» или именно «недостаток», а все же «губельно» или «благотворно». Можно убедиться, что когда Аристотель судит о «благости» или «зле», то мысль сводится к тому, гибнет субъект (человек, общество или государство) или продолжает жить. Этот вопрос постоянно проступает в любых рассуждениях, как будто только об этом и идет речь, подразумевая в разных формулировках одно и то же:

«...для телесной силы губельны и чрезмерные занятия гимнастикой, и недостаточные, подобно тому, как питье и еда при избытке или недостатке губят здоровье, в то время как все это в меру (ta symmetra) и создает его, и увеличивает, и сохраняет...; ...Итак, избыток (hyperbole) и недостаток (eleipsis) губельны для благоразумия и мужества, а обладание серединой

(mesotes) благотворно...; ...имея в виду, что избыток и недостаток губительны для совершенства, а обладание серединой благотворно...; ...если совершить этот поступок, то они будут спасены, а если не совершить – погибнут...» И так раз за разом, практически об одном и том же: «быть или не быть, вот в чем вопрос». Так не в этом ли на самом деле вопрос? Да, в этом.

Итак, повторимся: «А самое страшное – это смерть, ибо это предел, и кажется, что за ним для умершего ничто уже ни хорошо, ни плохо.» Именно «смерть», а вернее «отношение к смерти», и есть источник «добра и зла». Получается, что Аристотель, обсуждая что угодно и под какими угодно углами, раз за разом приходит к проблеме смерти и гибели. Именно смерть в рассуждениях Аристотеля порождает неожиданные, подчас парадоксальными превращениями «счастья» и «блага» в «несчастье» и «зло» так, что Аристотель нигде не может ухватить ситуацию абсолютного «блага». Абсолютна и недвусмысленна, экзистенциальна у Аристотеля только смерть. И именно она имеет то самое умение обнулять «добро и зло», которое мы упомянули в игре по поиску предмета. Так что за предмет мы должны найти? Каков мог бы быть результат этических упражнений «человека»?

Мой ответ: преодоление смерти. Рассмотрим это «преодоление» с разных сторон, каким может быть в жизни «преодоление смерти» у «человека»: тактически и стратегически.

Интересно сказано у Аристотеля о специфике природных реакций: «...природа, очевидно, прежде всего избегает того, что доставляет страдание, стремится же к тому, что доставляет удовольствие...» – так сказано о биологической дихотомии, которая направляет действия животных в виде неосознаваемых ими инстинктов и поведенческих программ. В отсутствие разума «боль и удовольствие» – это то, что направляет действия животных. Поэтому корректно сказать, и у Аристотеля это сказано: что природа не «преодолеывает проблему», а именно «избегает проблему». «Боль» негативна, а «удовольствие» позитивно. Но ни боль, ни удовольствие не ставят задачу. Поэтому, конечно, боль и удовольствие – это не в коей мере не метод решения проблем. Так Аристотель нашел лишь природный аналог морали, и это абсолютно точно. Если «человек» имеет моральную дихотомию «добро и зло», то природа имеет биологическую дихотомию «удовольствие и боль». Специфика и эффективность «человека» состоит в том, что дихотомия морали, в отличие от дихотомии естественного отбора, «видит» результат **всех** препятствий и **всех** проблем для жизни: это смерть. Отбор «не

видит» препятствий, а использует их для того, чтобы отобрать только те варианты, которые «избегают» препятствие, не соприкасаясь с ним. Можно провести параллель с эффектом «систематической ошибки выжившего», когда сохраняются только «правильные ответы». Получается, что опыта соприкосновения с рамкой в природе физически не существует потому, что он гибнет. По этой причине у живой природы нет и не может быть ни абстрактного, ни физического «знания» о смерти, поэтому же нет и отношения к ней.

Примеры разницы в подходах к проблеме у человека и у животного мы можем найти легко: перетерпеть реальную боль от лечения болезни «человек» может только по тому, что знает о смерти, которую принесет болезнь. Этический метод отношения к смерти позволяет человеку пренебречь негативом «боли», предпочитая категорию «добра», хоть она и не приятна физически, не вызывает «счастья» и «удовольствия», но зато ведет к преодолению смерти. Так же как человек может прямо отказаться от ряда «удовольствий», маркируя этическим методом пагубные последствия их как «зло», если они ведут к смерти: это наркотики, излишества, дисбалансы. Животное боль терпеть не будет, так как это один из рычагов инстинкта, и всеми силами избежит лечения, если у него будет такая возможность. И все это только по тому, что животное не знает ни о болезни в частности, ни о смерти вообще. Так же, как животное будет получать удовольствие столько, сколько это возможно – даже если это всего лишь вшитый в специфическую область мозга электрод, а не настоящее удовольствие [*Positive Reinforcement Produced by Electrical Stimulation of Septal Area and Other Regions of Rat Brain. Olds, 1954*]. Такие примеры можно привести в качестве тактического преодоления проблемы смерти.

«Но наемники становятся трусами всякий раз, когда опасность слишком велика и они уступают врагам численностью и снаряжением, ведь они первыми обращаются в бегство, тогда как гражданское [ополчение], оставаясь [в строю], гибнет, как и случилось возле храма Гермеса. Ибо для одних бегство позорно, и смерть они предпочитают такому спасению, а другие с самого начала подвергали себя опасности при условии, что перевес на их стороне, а поняв, [что этого нет], они обращаются в бегство, страшась смерти больше, чем позора.» – здесь обсуждается момент, когда отдельные люди отдают свою жизнь ради жизни своего общества. В этом случае понятно, по какой причине бегут наемники: они не связаны с защищаемым обществом, и для них

собственная смерть страшнее смерти какого-то чужого общества или государства. А гражданское ополчение связано с защищаемым обществом: там находятся их материальные и духовные ценности, их дети, родители и родственники, то есть все то, что является частью их самих, и будет существовать намного дольше их в исторической перспективе. Так, феномен Истории и Культуры можно привести в качестве попытки стратегического преодоления смерти.

Одним из видов культуры является Ритуал и Религия, дающая нам еще один пример стратегического, но воображаемого преодоления проблемы смерти в виде постулирования «жизни после смерти».

«Нет, не нужно [следовать] увещаниям "человеку разуметь (phronein) человеческое" и "смертному – смертное"; напротив, насколько возможно, надо возвышаться до бессмертия (athanatidzein) и делать все ради жизни (pros to dzen), соответствующей наивысшему в самом себе, право, если по объему это малая часть, то по силе и ценности она все далеко превосходит.» – эта мысль Аристотеля прекрасно ложится в контекст нашей гипотезы. Если Аристотель говорит о преодолении «смерти как проблемы» чисто гипотетически, то с развитием науки эта цель может быть вполне конкретной и однозначной для любой деятельности, составляющей вместе ту самую «общую идею»: *«Не в том ли дело, что все блага из одного [источника] или служат чему-то одному?»* Да, в этом всё дело. Только источник – это понимание смерти, и не только блага, но и зла, а служат они оба идее преодоления проблемы.

Необходимо уточнить, что именно «понимание проблемы» приводит к решению проблемы. Если это так, то все перечисленные в трактате «Этика» частные «блага», в дихотомии с подразумеваемыми «вредами», в процессе Развития сводятся к решению наиболее общей задачи по преодолению наиболее общей проблемы: смерти. Это отчасти явлено нам в реальности: сегодня в развитых странах средняя продолжительность жизни минимум в два раза превышает биологические и антропологические нормы [ссылка], а это уже немало.

Вывод: всё, что делает «человек» во всем его многообразии (индивидуально, в обществе и человечестве) по преодолению смерти – то «благо», «добро» и «добродетель». А всё, что приводит индивидуального человека, общество и человечество к гибели или разложению – то «зло», «вред» и «порок».

На первый взгляд, такая сущность этики даже слишком проста. Слишком очевидна, чтобы быть чем-то бóльшим, чем то, что мы и так видим вокруг себя. Но на самом деле все наоборот: да, принцип прост, но клубок взаимосвязей, и вся бездна проблем окружающего нас физического мира, социального мира совсем не очевидна до сих пор, и проявления «блага» и «гибельности» необходимо постоянно выявлять этическим методом.

Чем больше взаимосвязей в проблемой мы выявляем в процессе познания в природе и в обществе, тем сложнее нам установить однозначно, какое действие и в каком соотношении с другими действиями, приведет Человечество к процветанию жизни, а какое в конечном итоге, в результате множественных взаимодействий, погубит его. И, тем не менее, преимущества такого принципа тоже очевидны: мы имеем наиболее конструктивную систему оценки и прогнозирования пути, по которому идет человечество. Пусть принимаемые решения будут гипотетическими, но понятен критерий, с которым можно будет сверить результат. Так же работает мораль как опыт оценки результатов предыдущих решений. Проблема морали только в том, что с опытом невозможно сверить новые обстоятельства. Для принятия решений в новых обстоятельствах нужна практическая этика.

Необходимо отметить еще один важный момент: локальность развития. Как противоположность глобальному развитию. Исторически общества развивались локально, что породило известный феномен «разного» добра и зла. Фридрих Энгельс отмечал: *«Представления о добре и зле так сильно менялись от народа к народу, от века к веку, что часто прямо противоречили одно другому»*. Именно локальность развития порождала противоречия между обществами и разное прочтение морали, поскольку разделенные общества ситуативно воспринимаются угрозами, «проблемами» друг для друга.

Если же идея «преодоления смерти» будет восприниматься на общечеловеческом уровне, когда одна часть человечества не угрожает уничтожением другой его части именно потому, что обе эти части одинаково нуждаются во всех возможных вариантах развития, то идея «преодоления смерти» вполне может стать глобальной Идеей Развития человечества. Причем не только в рамках отдельного биологического вида, и даже не в рамках интербиологического, а и внебиологического. Привлекая к преодолению проблемы ИИ в качестве системы с человеческим

качеством, если удастся построить язык, допускающий
«понимание смерти» искусственным интеллектом.

Догадка Витгенштейна

...if a man could write a book on Ethics which really was a book on Ethics, this book would, with an explosion, destroy all the other books in the world.

– Ludwig Wittgenstein, *A Lecture on Ethics*

«Итак, вместо того, чтобы сказать: «Этика — это исследование того, что есть добро», я мог бы сказать, что этика является исследованием того, что ценно, или же того, что важно. Либо же я мог сказать, что этика — это исследование смысла жизни, всего того, что делает жизнь стоящей, или же исследование правильного образа жизни. Надеюсь, что когда вы рассмотрите все эти фразы, у вас появится приблизительное представление о том, чем занимается этика.»

В начале Лекции об Этике в 1929 году, Людвиг Витгенштейн довольно близко приближается к пониманию этики, откладывая в сторону общепринятый сущностный подход, и предлагая «этику как исследование... того, что важно». Еще бы немного, и он получил бы то же, что и мы: этику как метод развития, основанный на отношении к проблеме. Т.е. этику как исследование проблемы для жизни, а не самой жизни. К сожалению, этот шаг он делает, но в целом рассуждение содержит интересные моменты, которые можно обсудить.

«... этика сверхъестественна... Правильная дорога – это дорога, ведущая к заранее определенной цели, и нам совершенно ясна бессмысленность разговоров о правильной дороге отдельно от такой цели.»

Однако, если мы ведем речь о «познании смерти» как о пути «человека», то целью пути будет «преодоление смерти». И это бесспорно сверхъестественная задача. Настолько же сверхъестественная, как и первый полет человека в воздухе, в космосе, под водой, как высадка на другую планету или

способность разглядеть атомы, удержать плазму солнечной температуры на Земле.

«... абсолютно правильная дорога ... это будет дорога, увидев которую каждый с логической необходимостью либо пойдет по ней, либо же будет стыдиться, что по ней не пошел.»

Этот момент можно проиллюстрировать религиозной догмой. На определенном этапе развития человечества, вера в преодоление смерти была всеобщим убеждением, и «жизнь после смерти» воспринималась как реальность. В этот период религия становится именно всеобщей дорогой, абсолютно правильной дорогой, и появляются вполне реальные для каждого верящего в «религиозное решение» угрызения совести при потере этой дороги. Именно в религиозной догме мы уже имели пример «абсолютного добра», единственное: это было выдуманное решение, но решение именно «проблемы смерти», преодоление смерти и ничего другого. Это требовало создания метафизического, выдуманного мира, о чем далее говорит Витгенштейн.

*«Сходным образом абсолютное добро, если это некое описуемое положение дел будет тем, что каждый независимо от его вкусов и пристрастий с **необходимостью** пытается делать.»*

В периоды убежденности людей в религиозном «решении» именно так все и было: спасти душу для «вечной жизни» хотели и разбойники, и праведники, и крестьяне, и короли, и женщины, и мужчины. Общество находило силы и ресурсы содержать особый класс людей – монашескую братию и сестринство, занимавшихся исключительно вопросом спасения, и больше ничем. Каждый, независимо от его вкусов и пристрастий, с необходимостью пытался совершить «преодоление смерти», называя это «спасением души».

«... это химера... Никакое положение дел не обладает само по себе тем, что я хотел бы назвать принудительной силой абсолютного судии.»

А неограниченная смертью жизнь обладает сама по себе тем, что можно было бы назвать «принудительной силой абсолютного судии»? Опять напрашиваются аналогии с религией:

получить «вечную жизнь» можно лишь пройдя через абсолютный суд.

*«...опыт **абсолютной** безопасности... Быть в безопасности в сущности означает, что в отношении меня физически невозможны определенные вещи... [но не абсолютно все] ... абсурдно говорить, что я в безопасности, что бы ни произошло.»*

Стремление к безопасности – это «отпечаток» знания о смерти. И, действительно, невозможность учесть абсолютно весь физический мир и абсолютно обезопасить себя в нем: это резонно. Но это не означает, что не бывает качественных переходов. В этом проявляется сверхъестественность и одновременно реальность этики. Как, например, само существование законов квантовой физики не противоречит существованию законов классической механики. В мире планковских величин есть возможности для того, что в физическом мире невозможно. При том, что одна и та же вселенная вмещает оба этих мира одновременно.

«Итак, первый опыт подобного рода — это как раз то, на что люди указывают, говоря, что бог сотворил наш мир. А опыт абсолютной безопасности описывался ими как ощущение безопасности в руках божьих.»

Скорее всего описанный опыт «абсолютной безопасности» – это на самом деле опыт «абсолютного незнания об опасности», опыт «незнания о смерти», который до сих пор испытывают все животные или люди, в языке которых отсутствует система времен. Они исключительно редки, но такие примеры есть, например племя пираха. Нельзя сказать, что это «благо» в основном потому, что незнание о проблеме не освобождает от проблемы. Но можно сказать, что это есть первозданное животное счастье. Так мы можем убедиться, что счастье и мораль вообще никак не взаимосвязаны. Скорее всего, счастье может быть лишь вне смерти. Неважно, в каком виде: вне знания о смерти или вне возможности смерти. Так человек был изгнан из рая незнания, в то время как животные остаются в раю. Хотя мы и продолжаем существовать физически вместе, в одном мире.

« ... говоря об обладании опытом абсолютной ценности, мы подразумеваем, что это есть лишь факт, подобный другим

фактам, и что мы до сих пор не преуспели в обнаружении правильного логического анализа того, что подразумеваем в наших этических и религиозных выражениях. ... данные предложения оказались бессмысленными не в силу того, что я не подобрал для них правильного [лингвистического] выражения, а по тому, что бессмысленность была самой их сущностью, и все, что я хотел сделать с ними, так это просто выйти за пределы мира, т.е. за пределы обладающего значением языка.»

Как мы убедились ранее, этика теряет смысл после достижения своей цели. Пока мы движемся к цели, «добро и зло» существует. Как только мы достигли цели, уже и самой этики не существует. Допустим, что мы достигли состояния «преодоления смерти». И если смерть преодолена, то у этики больше нет субстрата: нет необходимости «отношения к смерти» постольку, поскольку нет и самой смерти. Таким образом, можно только согласиться с Витгенштейном, что достижение цели «человеком», определенным как «существо, понявшее смерть», будет означать для него выход за пределы того мира, где он сейчас существует. «Человек», становящийся «Новым Человеком» или «Сверхчеловеком» попадает в «Новый мир», за пределы всего, что его определяло в «его мире». Всё встает на свои места, и тут Витгенштейн прав.

«Этика ... ни в коем случае ничего не добавляет к нашему знанию. Но она все же является свидетелем определенного стремления человеческого сознания...»

Именно так. Этика – это не само по себе знание, а только метод получения знания. Как лопата – это еще не яма, но возможность получения ямы, а кирпич – не дом, но возможность получения дома.

Этика – уникальный, эффективнейший метод развития, имеющийся только у человека. И именно по этой причине она является движущей силой, причиной «стремления человеческого сознания» к Развитию.

Идея развития

Would now the wind but had a body; but all the things that most exasperate and outrage mortal man, all these things are bodiless, but only bodiless as objects, not as agents.

– *Herman Melville, Moby-Dick*

Для неживой природы не существует «проблем». Существует только преобразование вещества и энергии. Потеря планетой атмосферы, выгорание звезды, взрыв сверхновой, черные дыры, столкновения галактик: это не проблемы для Вселенной.

«Проблема» может существовать только для «жизни». И эта проблема: прекращение жизни, то есть смерть.

Определим связь используемых далее понятий: «смерть», «проблема», «препятствие», «рамка». Понятие «проблемы» сводится к понятию «препятствия». Препятствием для жизни может быть только то, что не дает продолжить жизнь. Все, что не является «проблемой», то есть не ведет к прекращению «жизни», не является также и «препятствием». Все, что не прекращает жизнь, может быть ресурсами, возможностями, окружающей средой – чем угодно, но не «препятствиями». Препятствия могут быть сложными: цепочка взаимосвязанных событий, комплексы условий и их соотношения, параметры окружающей среды, явления природы. В общем случае комплекс «препятствий» мы назовем «рамкой»: границей возможностей жизни. Тактико-техническими характеристиками (ТТХ) организма, группы, вида, рода, и всей живой природы, если угодно.

Столкновение с «рамкой» означает гибель. Живая природа существует, избегая соприкосновения с «рамкой». Поэтому все имеющиеся в наличии живые организмы «не знают» о своей «рамке» и не видят её, так как никогда не соприкасались с ней. Как же возможно, не видя препятствия, и даже не зная о нем, тем не менее никогда не наткнуться на него? Животных уберегают от этого инстинкты и поведенческие программы с помощью дихотомии «боли и удовольствия». Параметры «боли и удовольствия» были отобраны «смертью» в течение всего времени существования жизни. Мы так и назвали этот процесс: «естественный отбор». Смерть уничтожала всех, кто шел «неправильным путем», прикасаясь к «рамке». Остались жить

только те, кто шел исключительно «правильным путем», выполняя наработанные миллиардами лет инструкции инстинктов. Так природа продолжает жить, не прикасаясь к «рамке».

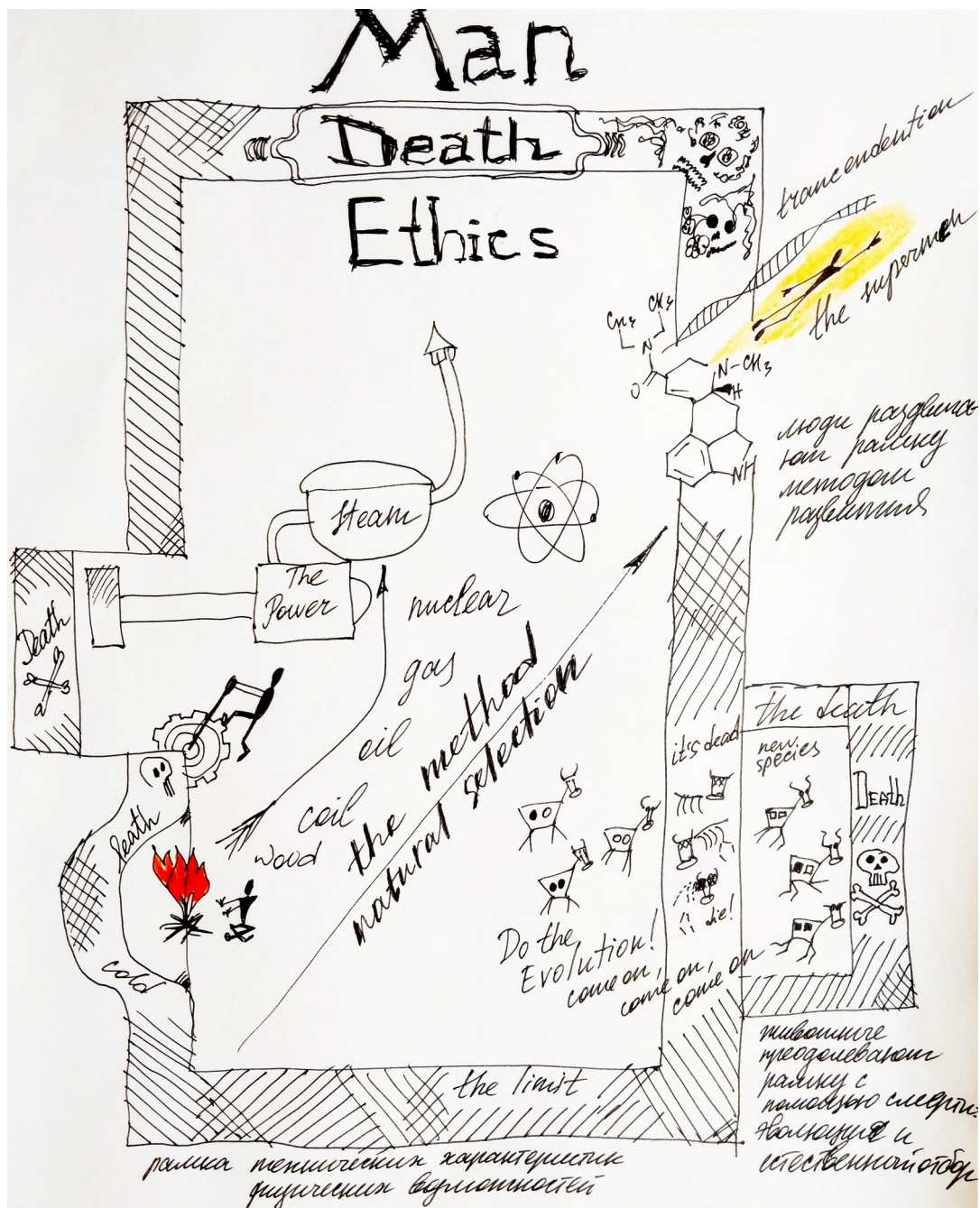

Рис. 5. Рамка

Как же в таком случае идет процесс эволюции видов и развитие живой природы? Объективно, живая природа с момента своего возникновения постепенно расширяет «рамку» своих возможностей, приспосабливаясь к окружающей среде, используя

окружающую среду, формируя окружающую среду, и снова приспособляясь. Это происходит с помощью «нарушения правил», проявляющегося в виде ошибок: случайных мутаций, дающих неожиданную приспособленность, когда животные немного изменяются физически или поведенчески. При этом отбор снова делает свое дело: если новое изменение лучше подходит параметрам среды, то оно раздвигает существующую «рамку», формируя новый вид.

Но, даже расширив свои возможности относительно старых, животные снова не видят никакой «рамки», поэтому качество существования для них не меняется. Таким образом, перебор вариантов в виде случайных ошибок не решает никакую задачу, следовательно, никогда не решит и «абсолютную проблему». Природа лишь учится избегать «проблему» тем или иным способом, приспособлявая себя к той или иной «рамке». Если вид не выдерживает параметры «рамки», которая и сама по себе может измениться в виде природных катаклизмов, то вид или виды вымирают. Так произошло несколько раз: известны 5 больших и 20 малых планетарных катаклизмов, когда вымирало до 95 % существовавших видов. Минусами такого «развития» является чрезвычайная длительность и затратность эволюции, поскольку даже простой, но целенаправленный перебор вариантов в направлении «решения проблемы» был бы на порядок быстрее и эффективнее, чем случайный перебор случайно совершенных ошибок без всякого направления.

Человек же, «поняв проблему», «поняв смерть», увидев «препятствие», увидев «рамку», единственный во всей природе имеет возможность «раздвигать» рамку без преобразования себя в новый вид с новыми ТТХ. «Человек» именно по этой причине смог отказаться от инстинктов: он и без инстинктов не натывается на рамку потому, что видит её. Человек способен еще и предпринять действия, чтобы отодвинуть «рамку»: изменить мир вокруг.

Таким образом, «понимание проблемы» и есть источник Развития для человека. Только видя ограничения, человек может начать думать и действовать в направлении их преодоления. Животное, не видя своих ограничений, не может даже захотеть преодолеть их.

Что есть «действие человека»: он думает головой, действует руками, рубит осколком камня, чертит на песке, выхватывает огонь из лесного пожара, рисует углем на стене, согревает очагом, толкает палкой, скребет отщепом, колет

бронзовым ножом, впрягает лошадь, натягивает паруса, двигает паровой машиной, дизельным двигателем, пускает Спутник и ядерный реактор. Значит, «действие» это не только труд, использование энергии и техники, но и исследование, и героизм, и творчество, и искусство.

«Преодоление проблемы» требует Развития, но не требует отбора: «человеку» не приходится меняться как виду, чтобы отодвинуть границу своей природной «рамки». Гагарин полетел и вернулся из космоса тем же самым *Homo Sapiens*, каким был и его предок с каменным топором. Человеку не потребовалось миллионы лет крутить смертельную карусель эволюционного отбора, чтобы попасть в недоступную прежде для *Homo Sapiens* среду.

Иногда «человек» видит рамку, но ничего не может поделаться: за всю историю не было никого, кто не умер бы от старости, даже если все другие препятствия были раздвинуты. Тогда «человек» придумывает «выдуманное решение»: так появляется ритуал погребения, позволяющий преодолеть смерть переходом в «другой мир» в некоем «новом качестве». Развивается метафизика веры и религия: проблему «преодоления смерти» они решают кардинально, но в воображаемом мире. И это работает.

В контексте нашей гипотезы, мы однозначно можем отметить на антропологической карте развития человека точку, когда «человек» понял смерть как проблему, и проявил это понимание в попытке её решить: это начало ритуальных захоронений. В пещерах Сьерра-де-Атапуэрка 1300 – 800 тыс. лет назад (период *Homo antecessor*), останки людей и животных сбрасывались в одну мусорную кучу. Кроме того, на человеческих останках имеются следы орудий, подобные следам на костях животных, которые свидетельствуют о каннибализме. Можно утверждать, что смерть не воспринималась этими существами как абсолютная проблема, требующая специального решения. Хотя развитие в направлении языка и символической абстракции уже шло, в чем мы убедимся на следующей точке. В той же долине гор Атапуэрка, в пещере Сима де Лос Уэсос, уже 430 тыс. л.н. (период *Homo heidelbergensis*), имеется свидетельство совершения санитарных захоронений, где происходит погребение умерших людей отдельно от животных, и без следов каннибализма. Ритуал явно не просматривается, хотя единственное найденное в захоронении ашельское рубило – инструмент из красного кварцита без следов использования, названный «Эскалибур», который был уложен в погребение целенаправленно [*La sierra de Atapuerca*],

можно считать некой точкой отсчета – моментом гипотезы древнего человека о ритуале. Симметрия ашельского изделия говорит нам о состоявшемся в результате предшествовавшего развития уровне абстракции. В свою очередь, абстракция как нематериальный объект, как идея, может возникнуть только в языке, и лишь после этого быть воплощена в изделии. Значит, уровень развития языка был достаточно высок, чтобы построить систему времен. Что дало людям возможность развивать абстрактные модели и понимать их во временном континууме. Таким образом, мы можем трактовать ситуацию в Сима де Лос Уэсос сленующим образом. Люди начали понимать смерть как о особое, всепроникающее явление, к которому необходимо особым образом относиться. Но еще не было решено, каким образом со смертью можно взаимодействовать, и как её можно преодолеть. И, наконец, люди, совершавшие захоронения в Сунгири 20-30 тыс. лет назад (период *Homo sapiens*) уже решали проблему смерти с помощью однозначного ритуала погребения. Необходимо понимать, что ритуал абсолютно неутилитарен в реальной жизни. Даже более того: он отвлекал ценные ресурсы, навсегда уничтожал, выводил из употребления полезные продукты и изделия, добыть или сделать которые в тот период стоило немалых усилий. При этом ритуал мог послужить только одной цели, и решать только одну задачу: обеспечить предполагаемое бытие умершего человека в какой-то иной реальности. Мы видим не что иное, как преодоление смерти умершим человеком. Следовательно, эта цель признавалась древними людьми как наивысшая ценность, ради которой возможно употребить подчас немалые ресурсы реального мира. А люди, воздвигшие Шигирский идол 30 тыс. лет назад шли еще дальше: символ сверхсущества был попыткой создавать некие цельные представление о иной реальности как о сверхестественном и сверхважном по отношению к реальности, мире. Сверхважен он был именно тем, что позволял человеку бытийствовать без ограничений, без проблем, которые существуют в реальном мире.

В таком случае становится вполне объяснимым тот факт, почему в этот же период начинает резко нарастать сложность орудий, использовавшихся «человеком». Ведь, зная о «абсолютной проблеме смерти», «человек» использует орудие не только «для функции» как таковой, что часто встречается у животных, а может судить: «плохо» или «хорошо» выполнена функция. Это и есть тот самый этический метод. Не только расколол ли чоппер орех, или достала ли палочка до муравьев. А насколько далеко отодвинуло

это орудие от «человека» голод и смерть? Можно ли отодвинуть их еще дальше? В этом состоит мощь этического метода, который можно назвать «Идеей Развития».

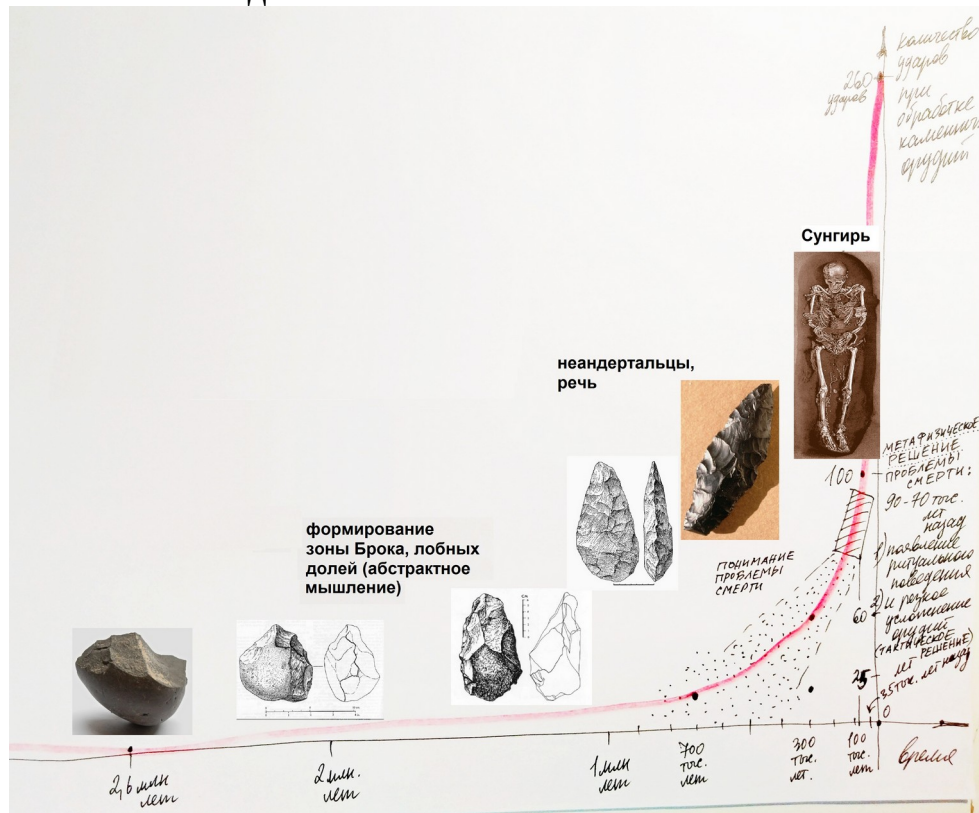

Рис. 6. На графике увеличения сложности обработки орудий можно отследить наложение появления ритуальных захоронений и резкое усложнения орудийной деятельности.

Иначе говоря, только понимая само существование смерти, мы можем ясно увидеть ее проявление в частностях: чем острее и удобнее камень – тем сильнее удар, чем сильнее удар, тем больше питания можно добыть, чем больше питания, тем больше энергии у тела, а чем больше энергии у тела, тем дальше от смерти и я, и мое племя, и наш род. Есть смысл обтесать получше камень. Если есть шкура только для функции, «только чтобы согреться», то мы берем шкуру какая бы она не была и греемся. Но как только появляется «этический метод»: «хороша» ли шкура для того, чтобы дольше сохранить мне тепло и жизнь, или «плоха» настолько, что слишком быстро подпускает ко мне холод и смерть?

Только так появляется смысл, задача и цель улучшить выделку шкуры: а чтобы отрезать шкуру лучше, нужен острее и тоньше нож, и уже нож начинает улучшаться. Еще, чтобы тоньше выделать шкуру, нужно придумать как это сделать – появляется

творческий акт, и чтобы лучше сшить, и найти крепче нитку – это цепь вопросов, исследований и действий. Томаселло отмечал, что «...невозможно представить человеческую ... деятельность ... без ... установления общих целей и задач...» (с. 279-280).

[Томаселло, 2011] А откуда появятся общие цели и задачи, как не из понимания общей проблемы?

«Понимание проблемы» или «понимание смерти», или способность «увидеть рамку» работает не сама в себе, а требует непрерывного Познания и Развития. Кстати, именно по этой причине надо учиться в школе ;) В идеале ту или иную форму непрерывного развития «человека» невозможно прекратить, пока система человеческого общества не перейдет в новое качество.

Когда «проблема» не понятна сознанию «человека», если это «непонятая проблема», то она вообще не существует, даже если уже оказывает свое губительное воздействие. Как, например, пока люди не узнали о вреде радиации, «радиевые девушки» получали смертельные дозы облучения на своей работе, до 50-х годов XX века производились часы, елочные и детские игрушки со светящимися солями радия. Только после понимания связи некоего явления со смертью происходит «понимание проблемы». Только в этом случае человек формулирует для себя задачу, ставит цель, получает решение, совершает действие в направлении решения, и смерть тактически отступает. Таким образом «этический метод» требует постоянного развития Познания.

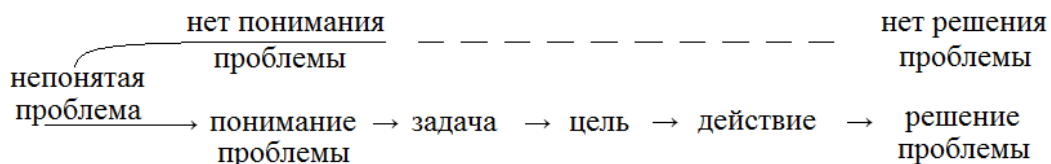

Рис. 7. движение от «проблемы» к «решению проблемы» не может миновать пункта «понимание проблемы», т.к. только этот пункт ставит задачу, решение которой становится целью, которая мотивирует деятельность, и только в результате такой последовательности происходит решение проблемы

В обратную сторону схема очевидно не работает: «решение» невозможно без «действия», которое невозможно без «цели», а «цель» является решением «задачи». В природе существует «действие», но не целенаправленное, а продиктованное инстинктом: по отношению к живому существу

инстинкт формируется надсистемой отбора. Таким образом, в природе развивается не виды, а сама жизнь через виды живых существ с помощью проблем, или проблемой как средством развития. Единственное, что оказалось способным заместить побуждения инстинкта – этическая мотивация. Но это уже разумный процесс, и он оказался на порядок эффективнее, т.к. оказался направлен собственно на проблему. Поэтому животные в общем случае не демонстрируют целенаправленную деятельность, поскольку целей у них нет.

Достижение «цели», «деятельность» – это части процесса «решения» какой-то «задачи». Значит, до «задачи» не может быть ни «цели», ни «деятельности» по её достижению. А откуда берется «задача»? «Задача»: это нахождение способа преодоления только осознанной, только «понятой проблемы». Невозможно решать задачу, если нет «проблемы». Ни в науке, ни в жизни не бывает «задач без проблем». Даже если вы видите ситуацию, в которой кому-то дают в виде задания явно бесполезную деятельность: до обеда вырыть канаву, а после обеда зарыть ее, то все равно у этой деятельности есть и «цель» (не допустить скуки), и «задача» (придумать деятельность). Просто «проблема» в такой ситуации будет не очевидна, но она не может вообще не существовать. И так, самое главное: нельзя «решить проблему», не «поняв проблему». Это кажется очевидным, но это надо осознать.

Любое целенаправленное действие человека: это свидетельство решения какой-то, когда-то понятой им «проблемы». Никак иначе раскрыть движущую силу человеческого потенциала Развития не получится. Каким бы ни было «обоснование» деятельности, по цепочке взаимосвязей оно приходит к проблеме преодоления смерти. Только установление связи «абсолютной проблемы» с ситуативной проблемой, может мотивировать её преодоление, то есть Развитие. Не понимая проблем, человеку нечего преодолевать, и никакой деятельности быть не может: ни физической, ни духовной, ни творческой.

Идея развития в таком случае: преодоление смерти.

Древо познания

а от дерева познания добра и зла
не ешь от него, ибо в день, в
который ты вкусишь от него,
смертью умрешь

– *Бытие, 2:17*

Итак, мы разобрались с тем, как специфику «человека» определило познание «проблемы смерти». Теперь необходимо понять, как произошло познание.

Для начала предлагаю толкование 17-го стиха 2-й главы Книги Бытия:

«Плод с древа познания» – это язык абстрактных символов с системой времен.

«Вкусить плод» – значит задействовать язык, получая в сознании абстрактную модель действительности, со способностью воображаемого перемещения во времени. Так «человек» смог события из прошлого «отправить» в воображаемое будущее, а образ будущего связать со своим настоящим.

Когда это произошло, отношение к мертвым изменилось. Если для животных мертвый сородич не представляет никакого интереса (мертвые не кусаются), то «человек» смог связать состояние «мертвенности» из своего прошлого опыта с пониманием того, что для него лично это же самое состояние когда-то в будущем свершится в настоящем. Это и есть «смертью умрешь», а точнее: «узнаешь о том, что умрешь».

Так, вкусив «плод познания», то есть овладев языком, человек осуществил «осознание смерти», что стало для него изгнанием из «рая незнания о смерти». Обратите внимание на интересный момент: в раю и человек и животные жили вместе. Но только «человек» оказался изгнан, а животные так там и остаются до сих пор. Еще Шпенглер отмечал, что животные не знают о смерти, так как «живут в моменте». Это подтверждается исследованиями систем коммуникации животных (СКЖ): известно, что СКЖ привязаны к состоянию «здесь-и-сейчас», не содержат абстракций, а только сигналы о происходящем, и поэтому не имеют системы времен. Которая позволила бы думать, перемещаясь во времени.

За основу своих рассуждений о языке, я хотел бы положить книгу Дерека Бикертонна «Как люди создали язык, как язык создал

людей». В целом я согласен с гипотезой Бикертонa, обобщающей большой пласт исследований и теорий в области истории развития языка и человека. Но я хотел бы доработать его гипотезу, вводя как средство рекрутирования индексный знак естественного происхождения: «следы в саванне», или книгу следов саванны, которую научился читать проточеловек. Кроме того, Бикертон разбирает язык и его свойство перемещаемости, но явно не говорит о том, что свойство перемещаемости порождает систему времен языка. Также я предлагаю закончить как бы неоконченную Бикертонем мысль: как именно язык приводит к фундаментальному качественному переходу животного в «человека».

С. 2 всё, что делает вас человеком, каждая из бесчисленного множества вещей, которую вы можете делать, а особи другого вида не могут, всецело зависит от языка.

Язык – это именно то, что делает нас людьми.

Возможно, это вообще единственное, что делает нас людьми.

Скорее можно сказать, что язык – это средство, с помощью которого любое животное может стать «человеком». При чем, речь не идет только о «хомо сапиенс». Например, у дельфинов идентифицировано до 14000 звуковых знаков СКЖ, которые не поддаются расшифровке именно по тому, что они ситуативны, а не абстрактны. Если бы у нас имелась возможность как бы проникнуть в шкуру животного и пожить с ними некоторое время, то, я думаю, что большинство знаков мы бы поняли исходя из той ситуации, в которой существует дельфин в момент подачи или принятия сигнала.

Но мыслить сигналами СКЖ невозможно. Поэтому напрашивается предложение: а что, если бы нам удалось научить дельфинов абстрактным символам в системе времен, чтобы они смогли мыслить ими? Например, как исследователи научили обезьян жестовому языку. Другое дело, что объем мозга обезьян не позволял овладеть языком на уровне, достаточном, чтобы возможно было задействовать даже примитивную систему времен. У дельфинов такой проблемы нет: объем мозга и его строение даже мощнее человеческого. С дельфинами потребовался бы специальный звуковой «декодер». Естественно, что это вопрос достаточно сложен технически, но я думаю, что если бы это было возможно, то мы сами оказались бы в роли «змея искуителя»,

который дает другому существу «плод с древа познания», наш «человеческий», полностью функциональный и мощный инструмент: язык.

В таком случае и дельфины смогли бы на определенном уровне овладения языком познать «проблему смерти», а значит и получить метод оценки: мораль и этику, а значит и вступить на «человеческий» путь Познания и Развития. Ведь тогда и они оказались бы «изгнаны из рая незнания».

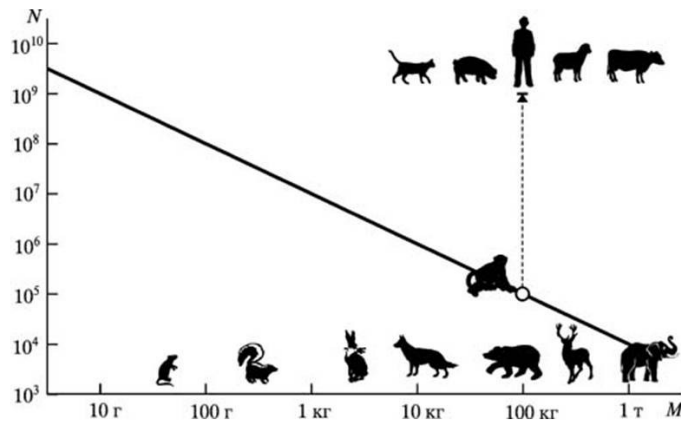
Пользуясь способностями физически более мощного мозга, расширенное таким причудливым образом «человечество» могло бы решать сложные фундаментальные вопросы, стоящие на нашем общем пути.

За то, что дельфины все же не разумны, хоть и имеют более развитый мозг, на основе мощнейшей системы СКЖ, говорит их относительно малая численность: по разным оценкам дельфинов сегодня едва ли более 100-200 тысяч особей на всю планету. Примерно столько же было людей на Земле в доисторическую эпоху, когда мы еще не получили язык и разум.

С. 5 ... человек – это один из приматов, как и все прочие существа, он прошел через жернова естественного отбора, и ничего не делает его значимее других, равно как и нет ничего действительно важного, что существенно отличало бы его от других тварей.

Даже грубая количественная оценка численности человеческой популяции, явно выделяющая нас из всего остального животного мира, опровергает это положение:

Чем человек отличается от животных?

Численность вида животных в зависимости от массы индивидуумов

Если человек не выделится бы из всего природного животного мира, то его численность была бы порядка 100 тыс.

Рис. 8. Количественное выражение эффективности этического метода развития человека над естественным отбором

Другое дело, что мы не знаем как однозначно это объяснить. Как можно истолковать эту вопиющую картину?

Исходя из моей гипотезы о том, что «человек – это существо, познавшее смерть как проблему», то есть «увидевшее рамку своих ограничений»:

во-первых, если мы не имеем необходимости инстинктивно избегать ограничений, получаем свободу действий и свободу воли, то это выражается в способности найти «выход из клетки» не только поведенческих программ и инстинктов, наработанных отбором, но и ограничений экологической ниши;

во-вторых, «отношение к проблеме» позволяет нивелировать негативные последствия нарушения экологического баланса, вызванного выходом из ниши. Выход за рамки экологической ниши – увеличение численности – обычно фатален для любого вида животных, но не оказался фатальным для человечества. Именно потому, что нарушение баланса тоже в свою очередь было воспринято как проблема, ведущая к гибели, и так же не осталась без решения.

Это и отличает наш вид от все остальных: мы эффективны настолько, что не нуждаемся в жестоким и затратном процессе естественного отбора. Нашу численность балансирует не ниша или ареал обитания, а уровень освоенной нами энергии: от мускульной силы племени к аквадеспотиям древности, от тягловой силы скота к углеводородам, от атомного распада к термоядерному синтезу.

С. 7 Пенн и его соавторы предположили, что существовало два разрыва, а не один: частный разрыв, связанный с языком, и более общий, связанный с познанием. ... Это не имеет никакого смысла. И одного было бы более чем достаточно.

И все же было два разрыва: первый связан с языком, который лишь предоставил возможности к познанию, но не само познание. Просто «язык» ничего не дает сам по себе. От того, что мы абстрактно называли дерево «деревом», ничего не изменилось. «Хоть горшком назови, только в печь не сажай.» А вот второй разрыв связан со способностью к познанию, которую дал язык. А именно с «познанием проблем» или явлений, ограничивающих нашу жизнь. И тут «дерево» уже может быть и препятствием, и средством для преодоления препятствий или средством поддержания огня – для получения тепла – для приготовления пищи – для сохранения жизни. Или «дерево» может быть безопасным укрытием, или поставщиком питательных плодов или соков и так далее. Но это то, о чем мы можем мыслить, и мыслить только с помощью языка.

С. 22 Итак, чтобы превратиться в язык, значимые единицы описания – слова и знаки – должны быть отделены от конкретных ситуаций и привязаны к концептуальным идеям... относительно тех или иных предметов. ... отделена от того, что происходит прямо сейчас.

Вот в этом месте я предлагаю «следы» – как индексные знаки естественного происхождения. Человеку не надо было их специально придумывать, как считает Бикертон, а достаточно было лишь увидеть и понять их как «знаки, оставленные животными». Когда эти знаки сами по себе были привязаны к оставившим их животным как к значениям, а впоследствии и как к концептуальным идеям. Таким образом, саванна – это первая «книга» естественного происхождения, «прочитанная» предком человека после выхода в саванну из джунглей 2,5 млн лет назад.

Рис. 9. Здесь был слон

С. 23 Идея в том, что первые слова не приносили бы немедленной и ощутимой пользы...

Бикертону не обязательно было придумывать такие идеи. В случае, если мы обращаемся с «следам» как к первым «прото-словам», то они повышали бы пользу от своего понимания с самого начала. Зная, что след (иконический знак) оставил наш будущий обед – мы идем по следу и питаемся, увеличивая приспособленность. Зная, что след оставил хищник (будущая проблема), мы готовимся к сопротивлению – мы увеличиваем приспособляемость вида. Далее, прото-люди, постепенно «обрабатывая» словарь следов, и обстоятельства, при которых эти следы появляются, и относительность времени, в котором эти следы появились, уже шли по пути ощутимой пользы. Все эти знаки сразу давали прямую выгоду, становясь и индексным, и впоследствии иконическим символами. А если прото-человек сам пытался изобразить графически след для передачи информации другим сородичам, то тут можно согласиться с рекрутинговой гипотезой Бикертоне, но в её графическом исполнении.

Исследователями установлено, что графический образ – это объект, доступный для исполнения существом, имеющим вообще руку, и порядка 400 граммов мозга. Физически это уровень австралопитека или шимпанзе. В эксперименте Сьюзан Саваж-Румбо, бонобо Панбаниша оказалась способной нарисовать по собственной инициативе на деревянном полу графические лексиграммы [Саваж-Румбо, 2004]. Значит, и изобразить след

прото-люди могли, превращая его из индексного в иконический знак. А имея иконический знак, эмоционально соединенный с выкриком СКЖ, мы имеем уже и прото-слова на вербальном тракте. Значит, нет необходимости отделять зарождение слов от приспособленности, которую предлагает Бикертон.

С. 29 проверка на полезность ... условие, которому должна удовлетворить теория происхождения языка... уникальность, экологичность, правдоподобие, эгоистичность.

Уникальность. У других видов не оказалось комплекса: мозг (от 400 грамм и выше), индексный знак естественного происхождения (след, имеющий значение для выживания и способный оставаться в экосистеме вне момента «здесь и сейчас»), способность перевести индексный знак в иконический (незагруженные перемещением, и достаточно развитые руки, т.е. опосредованно важно прямохождение).

Экологичность. Только саванна дала прото-человеку целую «книгу следов», а в лесу у шимпанзе такие знаки редки. Как и в других экологических нишах у других животных. Те же дельфины при всем желании не смогут в толще воды ни найти, ни создать графические символы.

Правдоподобие: естественное происхождение следов исключает ложь, и теория дешевых сигналов не применима. Только на этапе перевода знака из индексного в иконический ложь возможна, но тут она мешает рекрутинговой функции, поэтому ей же и отменяется.

Эгоистичность: если вокруг следа формируется выгода добычи или безопасности, то можно сказать, что работает как эгоистичность, так и альтруистичность.

С. 36 ... как только кусочки – доязыковые концепты – были готовы, ... возник протоязык.

Да, и на роль доязыковых концептов, причем представленным в огромном множестве и естественном разнообразии, идеально подходят следы животных: они вмещают весь смысл искомой цели, а так же обстоятельства её существования: бежит она, крадется или волочится раненной. Следы оторваны графикой от ситуации «здесь и сейчас», они вызывают к способности определить время их нанесения, т.е. построить систему времен. С точки зрения теории происхождения

языка: уникальность – только в саванне сложились предпосылки «чтения следов» вне ситуации «здесь и сейчас», т.е. воспринять их как образ, а не как часть ситуации; экологичность – выход из леса в саванны, питание мясом; правдоподобие и эгоистичность очевидны.

Как отмечено у Томаселло (с. 278) про кооперацию и конкуренцию при возникновении языка, условия совместного внимания и совместного знания выполняются, что делает акты референции возможными для отнесения к будущему и прошлому («слон проходил», «слон пройдет обратно»), а сейчас слон отсутствует, но он существует как референт. Коммуникативные намерения, которые формируют взаимные представления о необходимости кооперации и коммуникации. Формирование на основе следов первых конвенций дают появление взаимопонимания и общих интересов. Формирование мотивов информирования и приобщения.

С. 50 Одна из функций, недоступная СКЖ, но хорошо выполняемая языком – это возможность сообщать о том, чего нет прямо здесь и прямо сейчас, непосредственно в доступности для ваших органов чувств, когда вы производите сигнал. ... знак-символ замещает объект-референт во времени и на расстоянии...

Здесь Бикертон упоминает элемент, необходимый для создания системы времен в языке, и я с ним полностью согласен. Но, к сожалению, Бикертон не делает на этом акцент, хотя это крайне важно и уникально. Будущее и прошлое появляются только в языке, больше их нигде и ни у кого нет: ни в живой природе, ни в обычной реальности они не существуют. Только в абстрактном разуме «человека» время появляется как концепт, который обретает экзистенциальную сущность в историческом и культурном поле человеческого социума.

С. 52 элементы СКЖ – указательные, а элементы языка – символические...

... как могло образоваться нечто, что в первую очередь является символическим.

С. 53 ... символизм – это Рубикон, который наши предки должны были прейти, чтобы начать становиться людьми.

... наиболее значимая характеристика символов в том, что они могут обозначать вещи за пределами ситуации здесь и

сейчас. Эту способность лингвисты обычно называют «перемещаемостью».

С. 55 виды сигналов... указательные и символические. ... есть еще третий класс – иконические сигналы. ... или его изображение...

С. 56 ... большинство слов являются символическими... Откуда берутся символические слова?

Отпечатки, штрихи – это естественно на ровной поверхности саванны. В конце концов следы оставлял и сам проточеловек. А прямоходящие архантропы, уже имея развитые и свободные руки могли имитировать следы, чтобы «переместить» индексный знак в иконическую форму, а затем и в символическую – научившись изображать не только образы следов, но и образы любого предмета или существа, оставляющего следы. Это идеальный ответ на вопрос Бикертонa. Символизм возник графически, и сейчас он продолжает существовать в этом же качестве в искусстве и культуре.

С. 57 ... таким образом, свойство иконичности – наиболее вероятный путь, по которому пошли наши предки в поисках языка.

Таким образом, все вышеуказанные цитаты вполне можно наложить на «след» как на источник «слова»: сначала воспринимается индексный знак, затем при рекрутинге он воспроизводится рукой как иконический, а если при этом производится звуковой сигнал СКЖ, то он сливается с графикой иконического знака и становится «словом»: уже самостоятельным символом, более удобным при оперативном рекрутинге, чем черчение на песке. Ведь тогда даже приближаться не надо к рекрутируемой группе: достаточно крикнуть, но уже не так эмоционально, как при СКЖ, а все более и более контролируемо. Этим и будет заниматься эволюция два миллиона лет с момента обнаружения следов и их значимости, до появления достаточно средств контроля звука, областей мозга и голосовых органов протолюдей у *Homo heidelbergensis* [Атапуэрка].

С. 63-64 [о происхождении языка: жестовое или вокальное]

А если не жестовое и не вокальное, т.к. и то и другое у обезьян к языку так и не привели. Если происхождение графическое, причем естественно-графическое: следы животных. Это дает: общее наблюдение знака, следствием становится адекватное общее понимание знака, это может служить основой общегрупповой вокализации, когда все члены группы понимают, с каким объектом соединяется вокализация: в быстротекущем процессе вокализации, т.к. объект (след) не убежит и не нападет, при этом он еще и иконичен, т.к. интерес вызывал не след как таковой, а тот объект, животное, которое его оставило. В таком сценарии все факторы перехода от СКЖ к языку можно связать и с семиотическими категориями: след – это означающее означаемого животного, это знак-символ и одновременно иконический знак в случае его имитации пальцем на песке, это и знак-индекс по очевидной связи графического объекта и оставившего его объекта-животного, но при этом процесс соответствует и гипотезе формирования ниш Бикертонa. Специализированная ниша необходима, чтобы графический след оказался достаточно значимым и достаточно важным для эволюционных механизмов, которые потребовали его толкования. В общем, это толкование продолжается до сих пор. Мы находим все новые и новые следы того, что может на нас повлиять, разбираемся с ними, и находим такие следы, которых раньше не видели, не понимали, или не выделяли. Так же было и с проточеловеком: сначала он увидел явные следы и связал их с добычей пищи, затем научился отличать характер примятости травы, возможно следы крови раненных животных и так далее по возрастающей.

Например, люди давно догадывались о существовании мельчайших частиц, как и об их влиянии на макрообъекты: «шероховатые», «гладкие» и «острые» атомы Демокрита – это тоже следы настоящей объективной реальности, но разглядеть которые удалось только через 2 тысячи лет. И точно так же: для того, чтобы понять «следы микромира», пришлось создать новый язык описания: квантовую физику. Понятно, что это специализированный математический язык, но только с его помощью мы смогли описать модель атома достаточно корректно, чтобы понять ее и верифицировать, а затем создать упрощенную модель уже на обычном языке.

С. 114 человек и созданная им культура... Культура и цивилизация, со всей ее многогранной сложностью, вниманием ко

всему, что мы делаем и о чем думаем, похоже, не имеет аналогов в природе.

Именно так. Эта «созданная культура» представляет из себя огромную машину по выявлению и решению проблем. И такой машины нет ни у кого в живой природе, кроме «человека».

С. 115 [про рационалистов] У каждого вида есть действия, которые его представители выполняют лучше всех других, и кто мы такие, чтоб считать, что наши лучшие трюки обладают большей ценностью, чем лучшие трюки животных?

Хотя бы тем, что чем острее специализация вида, тем глубже он попадает в клетку ниши. Ценность наших трюков состоит в том, что они оказались настолько универсальны, что позволили заняться «решением проблем» вообще, и даже подумать о решении абсолютной проблемы, а не какой-то одной узкоспециализированной нишевой проблемы-производной. И это качественно иной подход к Развитию: вот в чем состоит наше качественное «кто мы такие». Мы выполняем лучше других всё, что нам нужно, не меняя даже фенотип. А если нужно, то меняем фенотип без преобразования генотипа: это преобразование тела в спорте, в медицине, косметологии. От пластической и восстановительной хирургии до бионической аппаратуры. Если же говорить о перспективах генной инженерии и атомной физики, то вопрос эффективности наших подходов позволит качественно повлиять на сам феномен жизни в конечном итоге. Вот «кто мы такие».

С. 115 Культура человека – это просто-напросто случай построения ниши.

Да, но какой ниши? Если эта ниша ведет нас к преодолению абсолютной проблемы, о которой живая природа за три миллиарда лет так и не узнала, и не стремится к её решению, и просто не имеет к этому возможности. Живая природа понятия не имеет о цикле ближайшей звезды – Солнца, о том, что через несколько миллионов лет, в связи с увеличивающейся светимостью звезды, вся вода с планеты начнет испаряться, а через 5 миллиардов и сама Земля будет сожжена. И единственная попытка у живой природы будет: приспособиться. Но как можно приспособиться углеродной жизни к отсутствию воды? Как можно

приспособиться белковым цепям к температуре в 1000 градусов Цельсия, в условиях сгорания планеты? Скорее всего, жизнь погибнет. Или погибла бы, если бы не возник «человек», который уже знает об этих проблемах. И если сегодня мы не можем ничего сделать со звездой, то мы можем попытаться решить эту задачу в будущем. Шанс продолжить саму жизнь есть только у «человека», и только потому, что он просто знает о проблеме, а с помощью этики может мотивировать себя на преодоление проблемы. Поэтому если культура и ниша, то это грандиозная ниша.

... многие виды, если не большинство, приспосабливают среду к своим собственным нуждам, насколько это позволяют их способности. ... Нам – больше многих других, но то, что мы делаем, по сути не отличается от того, что делают они.

Отличается принципиально. Животные влияют на среду не понимая, что они делают. А мы понимаем. И это качественное отличие.

С.116 ... инстинкты у животных, у человека – научение. ... это верно, но к делу совершенно не относится

... различие в том, что наша способность обучаться новым вещам ... основанная исключительно на владении языком... позволила развиваться намного быстрее, чем другим видам ... без ожидания очередного поворота колеса обратной связи между генами и поведением.

Здесь Бикертон вплотную подходит к объяснению, чем же является язык для «человека». По какой причине у нас нет необходимости миллионы лет «ударяться о рамку», чтобы высечь искрами миллионов смертей «правильное» поведение, «дистиллировать» навыки, то есть получить ту самую «обратную связь» от ниши? Да именно потому, что своим «языком» мы просто видим «рамку»: мы видим границу, мы видим ограничения, мы видим проблему, мы видим, где нас ожидает смерть. И только благодаря «вИдению» скорость нашего развития многократно, а точнее на порядки возрастает относительно природной эволюции видов.

Но, помимо этого, все остальное... мотивация ... сходно у всех видов...

Уверен, что термин «мотивация» можно применять к животным. Это явление, уникальное у человека. Мотивация – это побуждение к действию, далекое от инстинкта. Стремление к цели в процессе решения задачи, сформулированной в ответ на осознание проблемы. И никакой «мотивации» нет ни у каких видов и в помине: у них есть «боль/удовольствие» как рычаги инстинкта. Термиты не решают никаких задач, и не ставят целей, их ведет инстинкт. Поэтому и мотивации у них нет и быть не может. Мотивация – это проявление этики, это преодоление того, что «хуже» и стремление к тому, что «лучше», и именно по этой причине человек уникален именно как когнитивно-социальное, а не как биологическое явление.

С. 117 Почему же способность к культуре и научению должна оцениваться настолько высоко?

По тому, что... А давайте представим себе обучение термитов... нет, проще будет сделать это с дельфинами: все же они имеют даже более развитый, чем у нас мозг, слух и специфический речевой аппарат. Так вот, на основании нашей гипотезы, когда дельфиний социум с помощью языка и системы времен «узнает о смерти», то он тоже создаст и «культуру», и «мотивацию», и Развитие. Допустим, мы с помощью аудио-декодера и кропотливой работы научим дельфинов абстрактному языку. Естественно, что не одного дельфина, а некое сообщество, «социум». На примере некой рукотворной иконки, чтобы её могли одновременно наблюдать несколько особей. Так же, как с протолюдьми. Думаю, что в итоге это будет означать для них то же, что и для нас: «плод с дерева познания», а затем и изгнание из рая незнания о смерти. Мы сами можем выступить в роли змия-искусителя для какого-то другого вида. Что это нам даст? В случае с дельфинами их более развитый мозг, и возможно, более сильные творческие способности. Возможно, что в результате развития «цивилизации дельфинов» математические «задачи тысячелетия» не окажутся для них такими же сложными, как для нас? Может ли быть так, что «высшая цивилизация», которая «откроет нам новые горизонты», придет к нам не из глубин космоса, а из глубин океана нашей собственной планеты? И мы сами способны создать этот феномен. Ведь не надо ждать тысячи лет, пока дельфины сами выведут все теоремы и докопаются до атомного ядра: мы можем сами передать все знания, уже известные нам. Так мы получаем вневидовой глобализм. Межвидовой глобализм. Но это, конечно,

пока звучит фантастически. Я всего лишь хотел сказать о том, что теория ниш прекрасно объясняет начало пути «проточеловека» к «человеку», но когда он переходит в это свое новое качество «человека», то возникают гораздо более важные и значимые вещи, чем ниши: а именно понимание проблем мироздания и живой природы. И уникальная, исключительно «человеческая» способность к решению этих проблем. Скорее всего, всю ценность «научения» мы познаем, когда попробуем распространить его вне своего вида.

... исследование формирования ниш у человека покажет нам, что это самое гиперразвитие способности научиться новым видам поведения основано на инстинкте – на языковом инстинкте.

Ну вот, приехали. Именно язык позволил человеку отказаться от биологической дихотомии «боль и удовольствие», которые являют собой не волевой выбор, а предписание. И именно язык создал мир когнитивно-социальных абстрактов «хорошо» и «плохо»: это феномен свободы выбора, не представленный в природе. Принципиальное достижение языка именно в возможности отставить инстинкты как менее совершенный способ развития.

Язык – это культурная или биологическая особенность? Банальным будет сказать, что и то, и то... объединяющая теория ниш...

Язык – это ниша? Хорошо, допустим, что язык – это ниша. Но как и плод с древа познания, он бесполезен, когда висит на дереве. Без «работы» язык – как феномен «говорящих обезьян». Язык у «говорящих обезьян» просто есть, но качественного перехода он им не дает. В чем же тогда состоит миссия языка для «человека»? В том, что этот «плод» надо еще «вкусить». А вот «вкусив», перейдя в систему времен, а значит, переходя в пространстве и времени туда, где мы сопоставим «смерть» с собой, как свою проблему, как будущее препятствие, как свое ограничение, как «рамку» – вот только в этот момент мы получаем качественный переход туда, где появляется всё человеческое: и культура в том числе.

Культура может показать нам интересный фокус: как сосуществуют национальная специфичность с

«общечеловеческими ценностями». Национальная культура – это языковая специфика в самом широком смысле. Начиная с алфавита, лексем, слов, орфограмм и синтаксиса, локальна: это как «яблочный пирог» и «оливье». Что такое «яблочный пирог» для европейца? Это десерт. Для американца это символ американской идентичности. То же самое с салатом «оливье». Для американца это экзотический салат, а для русских символ Новогодних праздников. И так далее, мы можем перечислять любые культурные артефакты. И только в сфере высокого искусства все культурные отличия народов почему-то перетекают в нечто общее, общечеловеческое. Единственная тема, понятная в любом конце мира – это смерть. Нет ни одного подлинно великого произведения культуры, где любовь или счастье не сводится к борьбе со смертью. Поэтому в ходу религиозные темы, поэтому все знают про «Реквием» Моцарта. Нет «общечеловеческих» пирогов или салатов: пицца всегда останется по духу «итальянской», а «хот-дог» американским, и только тема преодоления смерти абсолютно общечеловеческая.

Метафизика веры началась с ритуала погребения как попытки как-то решить вопрос неотвратимости смерти. И сегодня она таковой и остается. Другого выхода «в вечность» пока у человечества нет, даже не смотря на все достижения науки. Пока мы только тактически отодвигаем смерть: продолжительность жизни увеличилась примерно в два раза от естественной [Maune, 2019].

Подвиг – еще одна попытка победить смерть. Но в данном случае отдельная особь осознанно приносит себя в жертву для продолжения жизни общества. Таким образом герой, даже в случае, если он сам погибает, но сохраняет в продолжающем жить обществе свои ценности: моральные и материальные, а также и генетические, т.к. дает продолжить жизнь своим потомкам или родственникам. Героизм в этом смысле тоже есть победа над смертью, в культурном поле конкретного общества. И поэтому в каждом обществе формируются свои герои.

Познание, творчество, труд – это номенклатура тактической борьбы «человека» со смертью. Это та самая специфика целенаправленного действия, раскрытие феномена эффективности научения. Здесь мы тоже можем сравнить кое-что. Например, можно очень-очень условно сравнить людей и дельфинов. Оба эти вида – млекопитающие, сравнимого веса, имеющие сравнимый размер мозга. Дельфины имеют существенную фору: мозг у них больше, извилин больше, среда

обитания вполне им благоприятна, глобальна, универсальна, практически не содержит непредсказуемых для них физических (для дельфинов океан – это среда с трехмерной характеристикой) и экологических ограничений, естественных врагов. При всем при этом, дельфинов в мировом океане насчитывается на настоящий момент по разным оценкам до 200 000 тысяч. Вдумайтесь в это: при всем богатстве и обширности мирового океана, дельфинов там на четыре порядка меньше, чем людей вида *Homo sapiens* на гораздо меньшей, двухмерной площади суши! И дело даже не в истреблении дельфинов, благо, человек никогда на них целенаправленно не охотился и систематически не уничтожал. Или не в том, что люди как биологический вид начинал с бутылочного горлышка в 10 000 особей после извержения вулкана Тобо, сталкивался со всеми видами природных, физических, экологических ограничений и барьеров: от хищников и эпидемий, до засух, землетресений и наводнений. Цивилизация людей ведет жуткие войны, периодически испытывает голод, проблемы перенаселения, сталкивается с патогенами всех видов и так далее. Но результат развития *Homo sapiens* говорит о колоссальных успехах именно человеческого подхода к выживанию, отталкивающегося «от понимания проблемы». В чем и состоит вся ценность языка, обеспечивающего это понимание.

С. 118 ... различие содержится в нише или нишах, сформированных предками человека, т.к. они существенно отличались от наших обезьян ... нам необходимо объяснить не только то, почему у нас есть язык, но также и то, почему у всех остальных видов его нет...

... где-нибудь в одой из этих ниш и должно лежать то различие, которое дало нам язык.

Оно там лежит до сих пор. Следы в саванне – индексные знаки естественного происхождения. Сочетание таких явлений как: графические знаки естественного происхождения, прамоходящие особи со свободными руками и недостаточно суженной нишевой специфичностью и достаточный для обработки информации о следах мозг – это стечение обстоятельств привело нас к языку.

С. 123 ... ниша австралопитеков – саванна...

С. 127 ... не смотря на то, что предупреждающие крики работают не как слова, они обладают двумя свойствами слов. ...

сигналы тревоги не могут сами по себе преобразоваться в слова, они могут помочь понять то, что сигнал может выражать... нечто большее...

Бикертон ищет в предупреждающих криках свойства слов, но предки человека видели следы других животных в саванне в отличие от жизни на деревьях. И не важно, прятались они или охотились, «след» – это и есть то, что ищет Бикертон: иконический знак со свойствами перемещения. К нему можно привязать и крик сигнальной системы в конечном итоге. Так предупреждающий крик СКЖ подхватывает иконический символ, вырастая в концепцию и слово. Ведь главное, что след животного – это не «здесь и сейчас», а это «когда-то вот это было тут». Когда? И запускается система времен. Или «когда-то вот это еще раз будет тут». Когда? По утрам или по вечерам, раз в «три луны» или только в сезон дождей: это не важно, важен сам принцип.

С. 136 ... расширить территорию за счет того, что искатели научатся читать знаки – горки навоза или сохранившиеся отпечатки...

Ну так вот же оно! «Читать знаки» – это прямое попадание в источник языка. Т.е. человек не придумывал знаки, он их «прочитал», а затем уже и сам начал рисовать и использовать благодаря специфике своего развития (мозг и руки) плюс ниша, которая постоянно давала массу следов как круглосуточный канал новостей.

*С. 137 Практически до 2 млн. лет назад всегда, когда ... перекрывающиеся отметки, каменным инструментом работали после когтей. Но около 2 млн. лет назад все кардинально изменилось. ... последовательность отметок на костях стала обратной. Они добивались до источника мяса раньше, чем у кого-то еще появлялась такая возможность. И наиболее вероятным, а возможно, и единственным способом сделать это было разделывание туш гигантов прежде, чем это сделают другие...
... падающий вокруг хранилищ сменяется на падающий на больших территориях...*

Кстати, вот и эволюционный мотив отбора по «иконическим знакам»-следам + преследование. Получается, что способность «читать знаки» могла стать эволюционным

преимуществом по отношению к другим видам. А поскольку «иконический знак» следа дает еще и систему времен, в терминах Бикертон «перемещаемость», то австралопитеку осталось только развивать эти способности протоязыка в язык.

С. 139 ... просто нужно было пошире открыть глаза и увидеть, где эта туша лежит [раньше всех других падальщиков]

Тут Бикертон уходит в сторону сопротивления других высших падальщиков, что, якобы, послужило объединяющим фактором и заставило австралопитеков кооперироваться. На самом деле это может быть дополнением. Как только протолюди смогли читать «иконические знаки»-следы, то чтобы объяснить друг другу куда бежать и с какой целью кооперироваться уже труда бы не составило. То есть на этапе защиты добычи протоязык уже работал бы, если бы он был создан на этапе поиска добычи.

С. 144 ... именно давление отбора, скорее всего, направило нас на путь, ведущий к языку: это была необходимость передавать информацию об источниках пищи, находящейся за пределами непосредственного восприятия тех, для кого предназначено сообщение. ... искать виды, требующие такого же обмена информацией. ... пчелы и муравьи.

С. 145 ... в СКЖ пчел возможна перемещаемость... сравнивают скорости, с которыми объекты ландшафта пересекают их поле зрения...

То есть «перемещаемость» в понимании Бекертон – это не система времен. Поэтому:

... но, никто не считает, что перемещаемость у пчел имеет хоть что-то общее с языком.

С. 146 ... если благо одного – это благо для всех...

Призыв – вот что оказывается ключевым в рождении языка.

Да, такая «перемещаемость» подходит к рекрутинговой функции, но для рождения языка этого явно не достаточно. Получается, что и СКЖ справляется с «перемещаемостью», если время воспринимать параметрически, как бы через скорость. Но в человеческом языке время – это сущность. Прошлое, настоящее и

будущее – это не скорости, а отдельные сущности с разными состояниями, в этом все дело.

С. 146 Поляны, на которые пчелам надо позвать своих товарищей, могут находиться за несколько километров от улья. ... когда она сможет передать о ней информацию, проходит несколько минут... поэтому в СКЖ пчел должна быть перемещаемость...передавать информацию о состояниях и событиях, происходивших в другое время и в другом месте.

Это немного не то. Бикертон явно имеет в виду физическую перемещаемость, и даже упоминая слово «время», он не догадывается, что абстрактное «перемещение во времени» куда более важно, дало гораздо более сильный эффект, чем «перемещение в пространстве с учетом задержки во времени на перемещение».

С. 146 [про ориентировку пчел в пространстве]... пчелы не думают. Это просто инстинкт.

Да, тут все правильно. И в этом все дело.

С. 148 ...пчелы – очевидная модель системы, включающая перемещаемость.

В общем, проблема рассуждений Бикертонa в том, что он не видит определяющего фактора «времени» в сущностном аспекте, употребляя параметрическое время в термине «перемещаемость».

С. 149 [про муравьев] ... стратегия разделения и объединения групп.

С. 151... стратегия рекрутинга, привлечения других особей...

С. 152 Среди прочих муравьиных стратегий есть ... парочка похожих... на два основных кирпичика, из которых строится язык: конкатенацию [потряхивание и химический след ... скорее всего случай, аналогичный соединению бессмысленных звуков в слова. – ну, это преувеличение явно] и предикацию.

... предикация ... отрывание пищи... стратегия, демонстрирующая, какого рода пища была найдена, могла быть важнейшей для рекрутинга проточеловека.

Может быть, может быть. Но ведь человеку в саванне проще просто указать на след или начертить его рукой на песке: это и будет и конкатенацией и предикацией, которая вполне доступна человеку на рассматриваемом уровне развития.

С. 153 ... манипуляция как и в других СКЖ... обеспечивая запуск стереотипных паттернов поведения, которые не могут изменяться или преобразовываться в какое-либо другое осмысленное поведение.

... для рекрутинга ... более сложная последовательность, чем коммуникативное поведение у других видов, и включают передачу более детальной и специфической информации, чем ... средствами других СКЖ. ... не информация о происходящем здесь и сейчас... что происходит и при использовании языка.

Исследование следов как иконических знаков, объективно существующих в «прошлом» и «будущем», как и тех, кто их оставил – человеку просто приходилось проводить: кто прошел, как давно прошел, сколько по количеству прошло животных, могут ли они вернуться обратно в будущем т.д.

... ликвидацию пространственно-временного разрыва – ... рекрутинг ...

У Бикертона «...-временного» в ограниченном понимании, имеется в виду только «время на перемещение» к пище, а не любой диапазон времени. Следы же дают человеку любой диапазон времени. След может быть и часовой, и годичной давности. Антропологи изучают следы, оставленные теми самыми людьми тысячелетия назад.

С. 155 [пример с перемещаемостью у воронов]

[по какой причине протоязыки пчел и муравьев, хоть и имели «перемещаемость», но не развились в язык]

Главное, что у пчел и муравьев нет и не было иконического символа, который мог бы по-настоящему оторваться от ситуации «здесь и сейчас», открывая способность к системе времен. Их «перемещаемость» так же ситуативна «здесь и сейчас», если подумать. Пища имеется в виду не вообще, а просто за пределами датчиков-рецепторов, но она обязательно есть и существует, но не «здесь», а «там», но при этом именно «сейчас-там», а не когда бы

то ни было в абстрактном времени. Все же эти вечные артефакты коммуникации как «сплетни», «статус в группе» а вернее, понимание их значимости могут быть только после «понимания проблемы», чтобы целенаправленно (а не инстинктивно) избегать или решать проблему. Иначе они вообще не нужны.

С. 156 ... почему язык не остается узко ограниченным механизмом, предназначенным исключительно для увеличения возможностей по добыванию пищи, а приобрел более широкие функции?

Очень правильный и очень интересный вопрос. Именно на этот вопрос исчерпывающим образом отвечает гипотеза о «понимании смерти»: именно это понимание дало возможность понять, что не только проблемы с пищей ведут к гибели. И любая функция может быть выполнена лучше или хуже относительно преодоления смерти: этический метод. Таких «проблем» вообще бесконечное количество. Такой подход: через абсолютную проблему – и есть драйвер познания. Только «понимая смерть» как самостоятельное явление, как «абсолютную проблему», мы смогли сильно расширить, и расширяем до сих пор понимание структуры взаимосвязей в материальном мире.

Проблема смерти для жизни всеобъемлюща. Так, если когда-то звезды были для нас всего лишь симпатичными точками на небе, то теперь мы знаем, что законы небесной механики и жизни звезд – это неизбежная катастрофа для всей жизни на нашей планете. Например, наша ближайшая звезда: Солнце, увеличивает свою светимость на 1 % каждый миллион лет. Значит у нас нет даже тех 5 миллиардов лет, которые отмеряют Солнцу в виде жизненного цикла звезды. Дело в том, что из-за неизбежного повышения температуры вода испарится с Земли в ближайшие несколько миллионов лет, и это не менее губительно для всей жизни на планете. Я даже не говорю об астероидах, появление которых в принципе непредсказуемо. И только человек со своим языком понимает, что с этим надо что-то делать. Развитие науки показывает нам все новые и новые проблемы, ранее просто не известные и не понятные или не понятые, но способные критически важно повлиять на жизнь человечества, да и вообще на все живое на планете. Поэтому познание неисчерпаемо, поэтому и Развитие неисчерпаемо.

С. 157 ... Как протоязык мог избежать этой пищевой ловушки и выйти на свет, мы обсудим в 11-й главе.

*Другой вопрос – почему, в то время как некий простой протоязык начал развиваться, культура, похоже, стояла на месте практически до того момента, когда появился наш собственный вид. Ното *sapiens sapiens* – человек разумнейший из разумных?*

... второй вопрос наиболее важен, но игнорируется... это умопомрачительная вещь...

С. 157 ... ашельское ручное рубило ... ножи раннего палеолита производились практически без изменений по крайней мере на протяжении почти миллиона лет.

... невозможно себе представить, чтобы наш вид стал производить одну и ту же модель машины даже в течение десяти лет...

С. 157 ... создатели ручного рубила определенно должны были быть существами совершенно иного рода, чем мы.

Это говорит о том, что развитие языка тоже требует качественного перехода. Если у архантропов уже был абстрактный язык, но еще не было его достаточного уровня развития для «понимания смерти» (рис. 6), о чем нам говорят захоронения без ритуала в Сима де лос Уэсос. Но, опять же, это были уже захоронения, а не свалка, как Сьерра-де-Атапуэрка ранних слоев. Да, был протоязык, который уже вырабатывал абстрактные понятия и категории на основе иконических знаков, формировал звуковой ряд языка, синтаксис, способствовал физическому отбору: уже формировались речевой контроль, зона Брока и область Вернике и так далее. Это как обучение маленького человека языку – происходит несколько лет в полностью сложившейся языковой системе, а вот рождение самой языковой системы заняло порядка двух миллионов лет. К «пониманию проблемы» необходимо подойти с некоторой системой абстрактных понятий, с синтаксисом, организующим язык и взаимодействие абстрактов и категорий в сложившейся системе времен, не меньше. Не имея возможности увидеть, что за каждой деталью окружающего мира стоит смерть, архантропы не имели и мотивации к развитию своих орудий. Как мы уже обсуждали выше: если нет проблемы, а точнее нет осознания проблемы, то зачем тратить силы на обработку камня? Если же проблема понятна, то улучшение качества каменного инструмента имеет тот же смысл, как и улучшение качества автомобиля: отодвинуть

смерть. Но то, что архантропы уже развивали протоязык, даже не имея культуры, это точно, т.к. он давал им эволюционное преимущество с самого начала. И вот, однажды «понимание смерти» пришло, это и был качественный переход, «большой взрыв», та самая «когнитивная революция», как это называет Юваль Ной Харари. Эта революция породила всё: ритуал, культуру, познание и развитие, т.к. это все об одном и том же. Изменился только взгляд на мир, и никаких случайных генетических мутаций в этот момент не требовалось. Вот чем отличались от нас создатели ручного рубила: непониманием проблемы. После понимания уже не отличались ничем.

С. 157 Нельзя найти такой момент, в который вы взяли бы родителя и его ребенка и смогли сказать: «Этот малыш – настоящий человек, а вот его родитель – нет». Тем не менее где-то на этом долгом пути наше мышление изменилось, и изменилось достаточно быстро...

Такой момент есть: это «понимание смерти». И не зря здесь возникает аналогия с ребенком, это очень верный момент, и его испытывал каждый из нас. Ребенок, еще не понявший смерть как бы «святой», «непорочный», «внеморальный». Дети бегут голенькими на пляже именно по этой причине. И перестают бегать голенькими именно по этой причине. В сюжете об «изгнании из рая» Адам и Ева прикрывают срам только «познав смерть», а познание о ее существовании и есть приобретение категорий «добра и зла». Непорочность ребенка именно в том, что он не понимает ни того, чем опасен для него окружающий мир так же, как не может понять, какой он может нанести вред миру.

Дети обнаруживают осознание смерти в 4-6 лет [Yalom 1999]. Эта критическая «точка перехода» именно что изменяет мышление бесповоротно. Человек полностью пересматривает свое отношение к миру: у него появляется несчастье понять смерть, как и счастье об этом иногда забывать. И, конечно, возможность преодолеть – чтобы быть настоящим человеком.

С. 170 Представители нашей [ветви обезьян] сначала были вынуждены, а потом и предпочли сами, т.к. их возможности выросли благодаря успешному формированию ниш, строить все новые и новые.

Тут заминка в том, что действительно, теория формирования ниш объясняет то, как попали предки человека в саванну и как выжили. Но дальше уже нужно сознание. Ведь если они «поняли», что формирование ниш дает им преимущество, значит они уже должны были иметь язык и сознание, а еще «теорию построения ниш», руководствуясь которой начать строить новые ниши. Поэтому теория формирования ниш работает только до момента, когда проточеловек обнаружил себя, осознал в новой нише и начал к ней приспосабливаться или приспосабливать нишу под себя. Но делать это он начал уже в другом качестве, где теория ниш человеку уже больше не нужна для развития. Развитие он начал обеспечивать этическим методом. Еще есть мораль как накопление опыта: что ведет к смерти, а что уберегает от смерти. Эти ориентиры утверждались моральными ограничениями: воровать друг у друга не хорошо – так может перессорится и погибнуть племя, кушать друг друга нехорошо – так может физически исчезнуть племя, и так далее. Но обязательно нужно понимать, что то или иное действие приведет к

С. 170 Процесс формирования ниш запустил наше успешное видообразование и сделал нас теми, кто мы есть.

Нет, скорее процесс формирования ниш дал нам возможность увидеть то, что не видят или не используют другие.

С. 170 Но между работой по их построению были долгие периоды безработицы. Вот почему наши предки пользовались одним и тем же ручным рубилом миллион лет.

Нет, скорее они просто не понимали, с какой целью надо улучшать рубило, если оно и так служит своей функции. Не было этического метода: «хуже/лучше». По-другому говоря, соответствует своей нише. Тут надо разделить, в чем права «теория ниш» в приложении к человеку, и чего она дать не может. Права она в том, что действительно, ниша определила условия развития человека, но само «развитие» – это уже вопрос другого уровня. Все-таки динамику модернизации нельзя привязывать к нишам. В этом случае не было бы смысла так часто модернизировать автомобили, ведь они не меняют нишу вот уже более 100 лет. Но непрерывные исследования по вопросам «преодоления смерти», а именно: повышение безопасности автомобиля для водителя, для пассажиров, для пешеходов, для

окружающей среды, для рынков в свете экономического развития и так далее, то есть буквально наше осознание того факта, что за каждой мелочью, в каждой детали заложен потенциал борьбы с гибелью индивидуума, а за ним и общества – именно это подстегивает (не буквально, а разными путями) инженеров, маркетологов, технологов, политиков, потребителей, моду и все, что с этим связано к Развитию. То же было и с рубилами: пока их определяла ниша – да, они менялись только под нишу. Но как только человек (уже «человек»), понял, что если рубило будет хоть чуточку получше, хоть чуточку прочнее, удобнее, острее, легче, то даже эта малейшая деталь или их совокупность может спасти жизнь, дать чуть больше добычи, сделать чуть сильнее и дать прожить чуть-чуть больше. И так в каждой детали: как только была понята проблема – только тогда стартовал процесс непрерывного, бешеного, неостановимого Развития, который только набирает ход, и который уже не зависит ни от каких ниш. Он зависит только от того, что мы знаем о Проблеме: этого вполне достаточно.

С. 172 [история с необходимостью разбиения на маленькие группки для поиска мяса на больших территориях, далее будет рассказ о том, что нашедшие должны были как-то рекрутировать тех, кто не нашел, используя для этого в качестве «иконических символов» звуки, мимику и т.п.]

Здесь странно сразу не предположить, что группы изначально разделяются для следования по конкретным следам: одна группа пошла по следу стада копытных, другая по следу слонов, третьи пошли в свободный поиск или остаются «в резерве» для любой из тех групп, которые найдут цель по своему следу. Ведь найдя цель, любой из групп проще рекрутировать резерв, чем искать по саванне другую группу, ушедшую неизвестно куда на самом деле. Т.е. на самом деле им не надо было друг друга в чем-то убеждать. Они изначально знали, кто куда и зачем пошел. Таким образом, индексный знак – след, это уже общий для всего племени и для всех групп, и для членов групп символ, и рекрутинг после обнаружения мяса не требует ничего особенного кроме воспроизведения уже иконического символа-сигнала. А след обеспечивает и перемещаемость, и символичный элемент протоязыка, на основе которого можно расширять системы символов, сигналов-символов, соединяя их, и даже строить концепции, если добавлять синтаксис, обеспечивающий

пространственно-временную систему отсчета: далеко/близко, давно/недавно, будет/было. В общем всё, что требуется для протоязыковой системы в смысле накопления количества для её качественного перехода, и уже отличающейся от СКЖ в смысле перемещаемости и зачатков системы времен, для перехода в совершенно то новое качество, которое нас и интересует: в язык.

С. 175 ... язык – непревзойденный инструмент социального контроля... это обеспечивают культурные нормы и ожидания. Но без языка этих норм и ожиданий не существовало бы.

Точнее не без языка, а без того, что дает язык, если это можно описать. Язык сам по себе не дает норм и культуры, как это видно в поведении детей и «говорящих обезьян».

с. 176 ... рассказать им... но у вас нет языка... имитация того вида... звуков, движений...

Но это иконические знаки, скажете вы, а язык символичен. ... сегодня используем иконические знаки

Да, все так, а если предположить, что они разделились по следам, то достаточно изобразить след: начертить его. Тут можно упомянуть про бонобо исследователя Саваж-Румбо, которые демонстрировали изображение знаков. Значит, если даже до прямохождения иконика технически и когнитивно доступна предковым видам человека, не говоря уже о всех *Ното*.

С. 177 Поэтому настоящий прорыв к языку обязан идти через перемещаемость, а не через произвольность.

С. 178 Нечто, что очень долго смущало палеонтологов, - это огромное количество найденных орудий... их было намного больше, чем требовалось. ... почему мы находим их разбросанными по огромным территориям и на большинстве нет следов использования?

С. 179 ... вы не знаете, где обнаружится следующая туша и поэтому раскладываете эти рубила... прячете в стратегических местах

Если мы сейчас нащупываем только средства протоязыка, то значит, что эти протолюди еще не могли еще мыслить – им было просто нечем создать «концепцию прятания» или «концепцию раскладывания», т.е. протолюди не могли

целенаправлено «раскладывать» и «прятать». Если не было языка, то не было и «проблемы», поэтому еще не было «целей» и «задач». Скорее всего, ответ лежит на поверхности: орудия делали по функциональной необходимости и тут же их бросали. Точно так же до сих пор действуют индейцы племени пираха: они умеют выдолбить лодку только тогда, когда они её выдалбливают, и больше никогда. С одной стороны, поделка была не так сложна, поэтому сделать на месте было легче, чем таскать с собой. А с другой стороны, если «проблема» еще не известна, то откуда задача «таскать с собой рубила», откуда «цель»? Ее нет и быть не может. Это именно та же ситуация, в которой находятся животные: обезьяны и некоторые птицы – вообще все животные, использующие орудия. Они не совершенствуют и не сохраняют орудия по одной и той же причине: изготовление и использование орудия по факту, в ситуации «здесь и сейчас». Они «не знают», зачем им это надо, т.к. у них нет «понимания проблемы» по причине того, что нет системы времен, как еще нет абстрактного языка. То же было и с архантропами: они только еще вырабатывали язык, и имели дело только еще с накоплением его количественных показателей: категорий, символов, знаков, построения их взаимодействий. Поэтому кумулятивный эффект от действия языка сможет наступить только тогда, когда он качественно «родится». Только когда архантропы поймут, что «проблема» есть не только сейчас, а она есть всегда, и всегда будет для них в будущем. И только в этом случае понятно, что выбрасывать рубило не нужно – оно пригодится в том будущем, о котором архантроп сможет узнать только тогда, когда выработает язык. «Без будущего» в своем сознании он будет бросать свои рубила там же и в тот же момент, как только потеряет в них сиюминутную надобность. Точно так же, как это делают животные, использующие предметы.

С. 180 ... для всего этого у нас нет еще порядка... порядку придется подождать появления языка.

Вот именно! Порядка нет совершенно никакого: ни в изготовлении орудий, ни в их применении, ни в их совершенствовании. Порядок это система, а систему надо создать, это уже продукт деятельности. И язык – это не сам по себе порядок, он лишь средство создать порядок как систему, как часть решения «проблемы», но только когда мы о ней знаем. Вот «проблема» опять становится источником действий: наведение

порядка. В итоге вообще вся деятельность людей подчиняется решению той или иной проблемы, как производной от основной, главной проблемы: смерти. И именно по этой причине и наказание за нарушение порядка сводится к тому или иному ограничению жизни виновных. Поняв «проблему смерти», и став «человеком», мы сами начинаем пользоваться в первую очередь «смертью» для установления любого необходимого нам порядка.

*С. 182 ... условия эволюции языка ...
- давление отбора должно быть сильным*

Если рассматривать мою гипотезу: «книга следов саваны» как ниша, а уже потом то, что описывает Бикертон: переход с помощью этой «книги» в нишу высших падальщиков, то способность правильно «прочитать» след приводила к улучшению навыков охоты и давала добычу. Индексный знак следа, который легко можно было превратить в иконический, графически рукой на песке изображая след, используя это для рекрутирования, а впоследствии и для «прото-планирования». Т.е. еще не планирования, т.к. будущего еще нет, т.к. языка нет. А как бы наглядного, «здесь и сейчас планирования» типа: вот следы слонов, или изображение следа слонов, и поэтому туда идет вся группа. Вот следы гиппопотама, или изображение следа гиппопотама, и по нему сейчас идет группа. А когда кто-то соединит сигнал СКЖ с иконикой изображения следа, которая есть в наличии вне времени – она была (значит, здесь был слон), она сейчас есть, она будет, когда мы найдем слона и просигнализируем о нем. Так происходит накопление нескольких процессов, необходимых для будущего языка: иконические знаки, слияние знаков с сигналами СКЖ и появление временного континуума (есть след – значит, здесь было животное – и животное есть там, куда ведет след – и это животное будет у нас на обед).

- давление отбора должно быть уникальным

Сама способность выделять графическую составляющую следов можно рассматривать как уникальную нишу, которой не было и нет у других животных. Например, предкам слонов не было необходимости изучать следы из-за своего физического строения и специфики питания. Дельфины ограничены фактором среды – в толще воды не остаются долговременные графические следы. Но у дельфинов хотя бы есть социализация. Киты слишком

крупные для социализации. Другие ветви человекоподобных обезьян остались жить на деревьях, где с одной стороны нет «книжки следов» на поверхности, а с другой они им и не требовались. Те виды обезьян, которые приспособились к жизни в саванне и питанию растительной пищи, не нуждались в рассматривании следов – они выделяли другие признаки другой питательной ниши. Т.е. выделенная Бикертоном необходимость искать больших животных – именно больших, т.к. они оставляют следы, и именно искать, очень подходит к гипотезе о следах как непосредственном ресурсе развития протоязыка. И вообще, другие животные основывают принцип поиска пищи на более специализированных датчиках: химических рецепторах (чуткое обоняние), звуковых рецепторах (острый слух) или специфического зрения (сумеречное зрение, большая ориентация на движение, собаки и кошки видят детали и цвета хуже человека). Другие животные оказались как бы в ловушках отбора: чем больше отбор специализировал датчики, тем больше они теряли универсальность. С одной стороны это давало им преимущество по отношению к другим видам, но с другой стороны преграждало им выход из клетки «здесь и сейчас». Архантропы же, рассмотрев следы, а главное, поняв, что они означают не «здесь и сейчас», а «там» или «тогда» – вот так они смогли нащупать выход из клетки «здесь и сейчас». И, что самое главное, следы явно давили на отбор в нише проточеловека, т.к. повышали для него поток пищи, и могли обеспечить безопасность.

- самый первый случай использования языка должен был быть полностью функциональным

Нахождение добычи по следам – это само по себе функциональное мероприятие. Фокус в том, что архантропов привела к этому ниша по версии Бикертона, с чем я целиком и полностью согласен. А вот то, что именно след давал возможность попробовать:

- перемещаемость
- индексность
- иконичность
- соединяемость
- систему времен; при чем именно «попробовать», т.к.

поиск добычи по следам не требует применения всех этих моментов сразу. Они могли бы нарабатываться и использоваться постепенно: вместе и по отдельности, в любой доступной

комбинации. Навык мог забываться и быть обретенным вновь, а это давало простор для работы отбора, поэтому история могла растянуться на два миллиона лет, постепенно откладывая в выживающих генах лучшие варианты фенотипов: формирование речевого аппарата в связке со зрением и слухом широкого, а не специализированного спектра, проводить отбор по поведенческим стратегиям социализации и так далее.

- теория не должна противоречить ничему в экологии предшествующих видов

Такая гипотеза полностью ложится в канву современных данных по динамике эволюции *Ното*. Единственное, что это всё же был не язык до тех пор, пока он не дал возможность увидеть «человеку» главную проблему: смерть. Как маленький ребенок, уже умеющий в той или иной степени разговаривать, но еще не понявший, насколько жесток этот мир. А вот на той стадии развития, когда язык становится достаточно исчерпывающим, чтобы «понять проблему» и увидеть «смерть» как проблему, он становится именно языком, способным дать нам мораль как дихотомию отношения к смерти и разум как попытку эту проблему решать, глядя в бесконечную вселенную больших и малых проявлений.

- теория должна объяснять, почему другие верили дешевым сигналам

Гипотеза «следа как индексного символа» идеально объясняет, почему все верят этому дешевому сигналу: потому, что он не является чьей-то манипуляцией, а является символом объективной реальности, которая оставила этот след. Превращая индексный символ в иконический: изображая след для рекрутинга, проточеловек делал следующий шаг. Тут дешевый сигнал уже мог вводить в заблуждение, но помогал отбор. Те особи, которые использовали иконические символы непродуктивно, скорее всего убили и себя, и свои группы в бесплодном метании по саванне. Со временем, когда человек выработал звуковой эквивалент следа, уже было понятно, что символ связан с реальностью и вопрос доверия к символу уже не мог не ассоциироваться с предощущением смерти. Обманутые группы погибали вместе с обманщиками. Не зря «обман» устойчиво маркируется моралью как «зло» и табуируется, т.к. он может привести к смерти. А

честность используемого символа спасала группу. Поэтому вопрос «цены сигнала» постепенно отходил на второй план, выдвигая другой параметр: «честность», но он требовал системы оценки: «морали». Все это рождалось и проходило становление одновременно: символы, их связи и значение, отношение к реальности.

- теория должна преодолеть эгоизм приматов

Объективное происхождение следа не предполагает эгоизм или альтруизм в принципе. Наблюдение следа доступно всей группе. Мало того, «след» своим наличием, самой ситуацией своего наличия предлагает преодолевать эгоизм: если все мы видим след животного, с которым не справится никто из нас, то остается сознательно, и это важно: сознательно, а не инстинктивно объединиться, чтобы преследовать и победить его. Так разрешается еще одна загадка, на которую указывает Бикертон:

«сотрудничество у человека долгое время было загадкой у антропологов... Роберт Бойд и Петер Ричерсон: "... произошло нечто, вследствие чего люди стали сотрудничать в больших группах... человек стал менее эгоистичным, чем остальные создания"...» – значит, и этот феномен можно объяснить «следом» в контексте теории формирования ниш в видении Бикертонна.

С. 185 ситуация «здесь и сейчас»

С. 187 ... противостояния между теми, кто (как Хомский) верит, что человеческая природа во многом определяется биологическими факторами, и теми, кто верит, что людская природа зависит от культуры, которая, в свою очередь, во многом свободна от биологических ограничений.

Кстати, «культура свободна от биологических ограничений» именно по тому, что в этом, в сущности, и состоит ее цель: преодоление ограничений. И опять, я не устаю повторять, что только способность «увидеть» ограничения дает нам возможность попробовать преодолеть их. Я не знаю, парадокс это или очевидная закономерность. Но определяя так сущность культуры и человека мы не подсознательно, а сознательно можем разглядеть как цель «сознательного развития», как специфически человеческого явления, так и предназначение «человека» как специфической сущности, агента «развития». Конечно, это может

показаться на первый взгляд очень узким «предназначением человека», но что с того? Если достигаемая цель самим «человеком» определена шире, могущественней, желаннее, чем вся человеческая природа во всех своих возможностях и проявлениях. Мечта притягательна именно своей недостижимостью, но к обсуждению этой части мы вернемся подробнее в главе «Путь Ницше».

С. 201 типично человеческие понятия и рекурсия Хомского

С. 203 Хомский всегда подчеркивал, что язык служит системой мышления и структурирования окружающего мира по меньшей мер в той же степени, что и средством коммуникации.

... ошибка первого использования

С. 204 ... сначала был реальным средством коммуникации, а потом ...

Если принять «гипотезу следа» как индексного знака, а затем и иконического, а затем и символьного, то окажется, что эта коммуникативно-когнитивная дихотомия языка могла быть с ним с самого начала. И никаких противоречий не будет.

С. 209 [таблица]

<i>Модель Бикертонa</i>	<i>Модель Хомского</i>	<i>Модель автора</i>
<i>У животных есть понятия, которые не сочетаются.</i>	<i>У животных есть понятия, которые не сочетаются.</i>	У животных есть сигналы СКЖ, которые не сочетаются и не имеют системы времен.
<i>Предки человека начинают разговаривать.</i>	<i>Появляются типично человеческие понятия, которые могли бы соединяться.</i>	Предки человека находят в новой нише (саванне) индексный знак (след), вырывающий их сознание из ситуации «здесь и сейчас». Индексный знак переходит в иконический с попытками рекрутинга в виде примитивной графики. Соединение индексного и иконического знака с сигналом СКЖ запускает физическую и когнитивную эволюцию отбора по направлению к языку и речи.
<i>Речь порождает специфически человеческие понятия</i>	<i>Перенастройка мозга</i>	На базе индексных знаков и иконических знаков в соединении с сигналами СКЖ идет процесс естественного отбора: 1) в развитии речевого аппарата; 2) по перенастройке мозга;

		3) по порождению специфически человеческих понятий в единении знаков и звуков.
<i>Происходит Слияние, и типично человеческие понятия начинают соединяться между собой.</i>	<i>Происходит Слияние, и типично человеческие понятия начинают соединяться между собой.</i>	Происходит Слияние, и типично человеческие понятия начинают соединяться между собой: так появляется система времен.
<i>Возможно, происходит перенастройка мозга.</i>	Развиваются возможности к сложным умозаключениям, планированию и прочее.	Развиваются возможности к сложным умозаключениям, планированию и прочее. Планировать и вообще рассуждать можно только во временном континууме.
<i>Развиваются возможности к сложным умозаключениям, планированию и прочее.</i>	<i>Люди начинают разговаривать.</i>	Способность к умозаключениям дает людям осознать «смерть как проблему», что приводит к резкому ускорению развития: Понимание проблемы -> Задача -> Цель -> Преодоление проблемы.

Странно, что Бикертон поставил на первый этап понятия, в то время как понятия – это уже сформированные конвенции, слова. По идее на этом этапе мы имеем только сигналы СКЖ. Поэтому в моей интерпретации мы следуем от подтвержденного источника – того, что есть у животных: СКЖ, учитывая и ту проблему, которая не дает СКЖ стать языком: клетка ограничения «здесь и сейчас», отсутствие перемещаемости сигналов СКЖ.

Вторым этапом Бикертон, судя по всему, описывает всю историю с созданием ниши, рекрутингом и образованием звуковых методов рекрутинга, уже констатируя «разговоры». Правда, без специфически человеческих понятий, т.е. по приведенному им примеру, «звуковыми индексами» или скорее «звуковыми иконами». Я на этом этапе предлагаю более подробно рассмотреть только историю с освоением ниши и того, что дала проточеловеку ниша: не противореча гипотезе Бикертонa о нишах и рекрутинге, мы отмечаем, что только саванна могла дать нашим предкам специфические индексные знаки естественного происхождения: естественную и обширную, актуальную и интересную «книгу следов». Новости мы с таким интересом не смотрим, как всматривался каждое утро проточеловек в эту «книгу». Скорее всего сегодня можно сравнить эту «книгу» только с лентой соцсетей :)

В процессе перехода от ниши «низших падальщиков» к нише «высших падальщиков», протолюди могут воспользоваться этими индексными знаками вне ситуации «здесь и сейчас»: отслеживать раненых или отстающих животных, или стада животных. Также протолюди, благодаря прямохождению и развитым верхним конечностям, могут не сами собой изображать, как предлагает Бикертон, а графически (на земле или на песке) воспроизводить, имитировать индексные знаки следов для целей рекрутирования других групп, делая эти знаки иконическими. Т.е. след, оставленный животным – это индексный знак, естественно выпавший из ситуации «здесь и сейчас», и давший проточеловеку картину прошлого и будущего: животное было здесь и животное будет где-то там, если пойти за ним по следу. Затем, используя сценарий Бикертон, мы отправляем рекрутера к другой группе, но если он не в силах взять с собой след, то он вполне может рукой изобразить его на песке, чтобы рекрутируемой группе было понятно, что он имеет в виду. [Саваж-Румбо, 2004] То есть даже нет необходимости изображать животное, если все протолюди когда-либо видели следы, а все они их точно видели. В саванне есть масса следов, и невозможно, чтобы протолюди не были с ними знакомы с самого раннего детства. Также, невозможно исключить и соединение произвольных, эмоциональных звуковых выкриков СКЖ, вырывающихся при рекрутинге у рекрутеров при демонстрации иконических знаков следов. Тут мы видим целую цепочку:

Животное – Индексный знак (след) – Иконический знак (изображение следа) – выкрик СКЖ, соединенный с иконическим знаком в ситуации рекрутинга дают нам ту самую конвенцию «животного», которую мы ищем. Я бы не назвал это «разговором», но это ли не схема образования специфически человеческого понятия, слова? Понятно, что это все возникло не вдруг и не сразу, а прошло через сотни тысяч лет эволюционного отбора, оказывая влияние на развитие мозговых зон, отвечающих за издание уже контролируемых звуков речи, а не эмоциональных звуков СКЖ. Описаны случаи, когда шимпанзе в экспериментах учились контролировать звуки СКЖ, и контролировали их. Далее можно отметить развитие координации рук для изображения графический копий следов. Развитие дыхательного аппарата, речевого аппарата, способного контролировать звуки, издаваемых вначале эмоционально и сигнально. И если эмоции и звуки СКЖ однажды были проявлены в отсутствие животного, а лишь в присутствии знаков о нем: иконических или индексных, то они постепенно

могут переходить «в зону контроля», то есть условно «из зоны эмоций» в будущие зоны речи.

Так мы оказались уже в третьей фазе, когда единство внешних и внутренних факторов развития языка и речи эволюционно направляют как комплексную, взаимосвязанную внутреннюю перестройку организма, так и внешние (социальные) проявления в виде складывающихся конвенций о понятиях, словах как «звуковых копиях» следа, в параллели с графическим иконическим и индексным символом. Если при виде настоящего льва проточеловек издавал специфический звук СКЖ, а потом издал его при виде индексного знака следа льва в отсутствие настоящего льва, а потом издал его, нарисовав изображение следа в виде иконического знака, символизирующего льва, которого здесь нет и никогда не было, то рано или поздно ему достаточно будет издать звук СКЖ в рамках сложившейся конвенции, придавая ему сущность символа, а не сигнала. И это в конечном итоге и будет словом, понятием и социальной конвенцией. Этот процесс можно назвать становлением языка и эволюцией человека по физическому обеспечению для себя языковой функцией, который продолжался около двух миллионов лет. Понимая базис, от которого отталкивалась вокализация: индексный и иконический символ, мы можем утверждать, что именно он был отправной точкой эволюционного пути языка и эволюционного пути человека от человекообразных обезьян (которым не нужен был речевой аппарат), к человеку, которому этот аппарат уже оказался нужен. Причем эволюционно нужен. Гипотеза состоит в том, что неконтролируемые вокализации постепенно превращались в контролируемые, опираясь на графический знак естественного происхождения: на следы животных, и используя эту систему для качественного улучшения способности к выживанию, переходя в более благоприятную нишу высших падальщиков.

На базе сложившейся таким образом когорты понятий, в разнообразии ситуаций охоты, проточеловек неизбежно начнет комбинировать и соединять отошедшие от СКЖ, и поэтому, контролируемые им сигналы, ставшие словами, осуществляя то или иное смысловое Слияние их между собой. Этот феномен далее будет развиваться как язык, постепенно и неизбежно приобретая в описанной нами ситуации систему времен, тот или иной уровень абстракции и средства для ее выражения: семантику, синтаксис и грамматику. Это был четвертый этап, где схема Бикертонна, Хомского (в представлении Бикертонна) и моя полностью совпадают. Единственное, что я делаю акцент на возникновении

системы времен, которая дает возможность работать когнитивным моделям, абстрактам и конвенциям во временном континууме.

И вот, на пятой стадии, с помощью языка, проточеловек получил разум: возможность создавать модели, планировать их развитие во времени и делать умозаключения о результатах. Это и есть разум. Но что разум дал ему? Как правило, этот вопрос считается неуместным – разума как будто достаточно, чтобы все специфически человеческие качества начали раскрываться сами по себе. Но я выделяю еще один этап в развитии языка, это своего рода зрелость языка или условия достаточности языка. Я предлагаю обратить внимание на момент, когда и язык уже есть, и разум уже есть, а его качественного эффекта еще нет.

Постепенно выстраивая в сознании абстрактную модель окружающего мира, человек как бы заполняет базу данных окружающих его природных явлений, постепенно достраивая целостную картину мира, находящегося вокруг него. Это нельзя сделать сразу, даже если развитый язык уже есть. Пример этому: дети. Овладевая языком, они далеко не сразу понимают, что мир вокруг них полон опасностей, и грозит им смертью. Это называется «детской непосредственностью», «невинностью». Когда ребенок еще не способен творить «зло», т.к. просто не знает, что такое «зло». Так же он не может распознать и зло в отношении себя: ребенок спокойно может выбежать на дорогу, не глядя по сторонам. А когда же ребенок узнает об этом? Только тогда, когда окажется способен понять смерть, причем понять ее абстрактно: понять, как можно быть живым и не быть живым по отношению к себе. Такое происходит как правило в 4-5 лет [Yalom, 1999]. То же самое происходило и с проточеловеком.

С. 210 Хомский верит, что вначале возникло человеческое мышление, которое сделало возможным появление языка.

Я верю в то, что язык возник первым и дал возможность развиваться мышлению.

Если мышление – это разум, то порядок мы обсудили выше: возникли абстракции, потом система времен абстракций – язык, а язык дал возможность мыслить – перемещать модели во времени.

С. 216 У них нет абстрактных понятий, а у нас есть

Абстракция сама по себе ничего не дает. Есть она и есть, что с того? Абстракция нужна как минимум для перемещения во времени, вот что самое интересное.

С. 223 Заметим, что ни одна обезьяна не связала в коммуникативном сообщении больше, чем три знака. ... в направленной мысли.

С. 225 продумывание и планирование ... означают, что работа ведется не с реальными объектами, а с представлениями о них, понятиями, которые можно перемещать в сознании...

Вроде бы очевидно, что перемещать можно в пространстве, но поскольку в классической механике нельзя быть в одно и то же время в разных точках пространства, то без осознания времени перемещение в пространстве тоже не может быть осознано. Значит, важно понимать временную составляющую сознания. Система времен – это важнейший момент в мышлении и в языке.

С. 226 ... граница проходит между нашим собственным видом... [и нами]

С.226 Граница проходит между нашим собственным видом... включая наших собственных предков. ... Только наш вид когда-либо практиковал «мышление офлайн».

С. 239 ... сигналы ... на перемещаемость они были не способны

С. 240 ... наличие перемещаемости было величайшим шагом ... создание истинной перемещаемости, настоящего бегства от здесь и сейчас, в котором увязли все другие виды. Чтобы достичь его, необходимо сначала создать понятия, ментальные символы референции, больше не связанные с появлением конкретных вещей, которые они обозначают. Лишь обладая такими абстрактными понятиями, можно свободно перемещаться в уме сквозь время и пространство, как мы сегодня это делаем в языке и в мышлении.

... призывные сигналы не были словами. Они были иконическими и/или указательными сигналами

Все правильно, и даже время упоминается. Да, граница действительно есть. И она проходит внутри нашего вида. Когнитивный скачок не был биологическим, как об этом говорит Юваль Ной Харари в книге «Sapiens Краткая история человека». [Харари, 2011] Скачок, или «когнитивная революция» была

именно когнитивной, то есть происходящей в сознании, на нейронах мозга.

Момент «понимания» того, что ты за секунду до этого «не понимал», не требует физической перестройки организма. И не важно, «дошла» ли до вашего сознания концепция пространственно-временной относительности Эйнштейна или концепция относительности следов в дикой саванне и будущего обеда.

С. 245 ... а невозможность существования – это такая задача, с которой не может справиться ни одна СКЖ.

Вот это в точку. Чтобы понять смерть, нужно переместиться в первую очередь не в пространстве, а во времени. Из прошлого опыта увиденной смерти необходимо перенести ее в будущее, где нас еще нет, а затем осознать в настоящем, где мы «Dasein», извините за выражение. Именно эта трагедия однажды накрыла человека и только человека: произошло его «изгнание из рая незнания». Животные продолжают жить в этом «раю». Такое изгнание чисто когнитивное явление.

С. 246 Чтобы создать новинку культуры и технологии, сначала нужно соединять мысли организованным и упорядоченным образом.

Прежде чем что-то «создать», необходимо понимать, для чего создать? Сама по себе функция – это еще далеко не Развитие. Если шимпанзе и бонобо, вороны или какие-нибудь другие животные используют приспособления: камни, ветки в виде орудийной деятельности. То они могут использовать это миллионы лет для определенной функции точно так же, как природа в виде генетической мутации наделяет их орудийными приспособлениями естественного происхождения и любого уровня сложности: рогами, копытами, рецепторами, химическими датчиками, магнитными датчиками, эхолокацией – да чем угодно. Но качественно это ничего не меняет. Так и сама по себе связь мыслей не дает старт культуре и технологиям. Эта связность должна сначала дать возможность «понять проблему», чтобы ее вообще можно было решать. Но и это не всё. Для Развития нужен Метод отбора решений. А вот это уже качественный переход, так как в данном случае отбор не физический, как в природе, а абстрактный: в сознании, с помощью универсальных критериев,

построенных вокруг абсолютной экзистенции смерти. Вот только тогда возникает старт культуры и технологий. Потому что понятно, «зачем все это нужно».

С. 269 Получив в свое распоряжение полную силу символическо-синтаксического языка, наш вид стал производить новые артефакты.

Бикертон упускает важный момент: если бы «человек поступил в распоряжение силы», то про человека больше бы объяснять ничего не надо было бы. Поступил и начал действовать по логике этой силы. Но на самом деле человек «получил в свое распоряжение силу». Значит, без ясного ответа на вопрос: с какой целью начал использовать эту силу человек, нам не обойтись.

С. 270 «Война – локомотив истории» ... конфликт с видом, обладавшим почти равными возможностями, – неандертальцами, потребовал всю силу и сноровку кроманьонцев. Именно это, а не какая-либо мутация или неожиданное повышение возможностей, явилось наиболее вероятной причиной Большого Скачка Вперед.

Точнее будет сказать, что потребовал качественного перехода не сам по себе конфликт, а осознанные последствия этого конфликта. В природе виды животных, вымирая, не понимают этого. В природе нет ни «войн», ни «истории». При том, что смерти и страданий в природе никак не меньше: ведь живая природа ежедневно занимается поглощением фактически самой себя на завтрак, обед и ужин. Одни особи поедают других в ежедневной рутине. И полное вымирание видов животных не является трагедией ни для природы, ни для них самих. Поэтому и называют этот процесс «отбором», поскольку вид не способен повлиять на то, что с ним происходит. Если же кроманьонский человек оказался достаточно развитым, чтобы понять последствия противостояния в виде осознания гибели, а затем и выразить свое отношение к этому: «хорошо» или «плохо», то только в этот момент у него появилась мотивация применить всю «силу и сноровку», которая у него имелаась в столкновении с неандертальцами, не дожидаясь, кого выберет отбор.

После этого создание ниш развивалось ... И в этом не было предела? Конечно же, предел был. ...создание негативных ниш.

Здесь Бикертон намекает на экологические проблемы, когда вид выедаёт свою экосистему. Действительно, в природе виды могут выесть свои экосистемы и гибнуть при этом. Но человек, понимая смерть вообще, способен моделировать будущее, увидел и эту проблему. Проблемы экологии ниш поднимаются не только сегодня. Верования и табу были своего рода экологическими конвенциями древнего мира. Когда будущие американские индейцы при заселении Америк быстро и бесповоротно уничтожили всех диких лошадей, то по поводу оленей уже возникли табу и ритуалы. Не было никаких препятствий уничтожить и всех оленей. Но необходимость совершить непростой ритуал перед каждой охотой, почитание жертвы как равноправного участника экосистемы – это всего лишь форма ограничения охоты, защита от выедания своей экологической ниши. Это древняя мораль, и это работает.

С. 271 Процесс создания ниши определяет род занятия представителя вида и, как результат, тип общества, в котором этому виду предстоит жить. Нет разницы, создается ниша под влиянием инстинкта, медленно, миллионы лет, или путем культурного научения, за какие-то тысячелетия. Разницу определяет ниша.

Это серьезная ошибка. Да, теория ниш верно схвачена в плане рассмотрения эволюции видов и формирования предпосылок. Но в чем состоит тогда «качественный переход человека», если ниша как определяла вид, так и продолжает его определять? Если рассматривать описанную ситуацию с точки зрения появления у человека «этики как метода», то мы видим разницу огромную. Собственно, она и объясняет, по какой причине «отбору» нужны миллионы лет, а «этике» достаточно тысячелетий. Что бы ни строили муравьи, у них нет проблемы, задачи и цели. У них нет плана муравейника, и решить, что может быть конструктивно «лучше» или «хуже» они не могут. «Хуже» по отношению к чему или «лучше» по отношению к чему? Если они не знают о смерти, то и метода оценки у них быть не может. Вернее, он есть, но находится вне их. Отбор решает, какой муравейник хуже, а какой лучше, но он не ставит в известность об этом муравьев.

С. 272 Наша ниша дала нам язык, язык дал нам разум, но лишь мудрое использование этого разума сохранит нас свободными представителями человеческого рода.

Тут возникает несколько моментов: ниша дала нам только знаки. А расшифровать и применить их смог только сам человек. Это и дало человеку язык. Да, язык включает систему времен, и только это можно назвать Разумом. Но и Разум можно применить по-разному. Говоря о том, что *«...лишь мудрое использование этого разума сохранит нас...»*, Бикертон незаметно для себя начинает использовать Этический Метод, позволяющий принимать решения о том или ином пути, оценивать этот путь. Значит и Разум – это только базис для Этики. И только Этика позволяет Развитие. Куда же ведет Развитие? Если способность «понять проблему» – это начало пути, то конец пути «преодоление проблемы». Только тогда понятно, что дает нам разум: мы постепенно учимся не только избегать смерти, как вся остальная живая природа. Мы учимся преодолевать смерть. Это и есть та самая «свобода». Это и есть смысл веры в «бессмертие» исключительно человеческой души. Да, только понимание смерти позволяет поверить в бессмертие. Это путь человека. Пока мы увеличили продолжительность жизни в два-три раза относительно природной «рамки» своего вида [Mayne, 2019]. Мы расширили ареал своего присутствия во много раз больше, чем позволила бы природные чисто технические характеристики нашего вида: мы летаем в атмосфере и стратосфере, выходим в космос, ведем активную деятельность в океанах, морях и реках. И это все без каких бы то ни было генетических перестроек своего организма. Без отбора, без физической эволюции. Вот в чем сила языка и познания: он изгнал нас из «рая незнания», обрекая на познание и деятельность. Пока основные успехи мы получили на поле технического преодоления: от палки-копалки до ядерного реактора, но эти достижения – не часть человека физически. Существуют и достижения на уровне, который физически есть часть человека: молекулярная биотехнология и генетическая инженерия. Та же вакцинация – это создание дополнительной возможности у своего организма. Вакцинированный человек – уже формально сверхчеловек. По крайней мере «сверх-» того, что у него есть в чистом, природном виде. Возможно, мы сможем взять в свои руки работу, которую раньше проводил отбор: физическое изменение своего организма. Если манипуляции с антителами заставляют наш организм реагировать так, что ему становятся не

страшны смертельные вирусы, а манипуляции с ДНК могут избавить человека от ВИЧ, то что мешает в развитии этого направления идти всё дальше и дальше? Ничего. Это и есть «решение проблемы». Напомню, как Аристотелю в его рассуждениях по Этике мешала смерть. Значит, именно преодоление смерти и есть подлинная «свобода». Та свобода, которая открывает двери к подлинному «счастью». Не к счастью забвения о проблеме, а к счастью преодоления проблемы.

Наконец, можно задаться вопросом: если у человека есть настолько специфически развитый Язык, в отличии от коммуникативных систем животных, то почему при определении человека необходимо делать акцент именно на понимании смерти, а не наличии развитого языка?

Язык – это только инструмент. Как лопата, которая может и ржаветь в углу миллионы лет. Он ничего не значит сам по себе, пока не будет правильным образом применен. Например, у дельфинов есть явные физические способности к языку: сложная система, состоящая из 14000 сигналов, есть и голосовые коммуникативные возможности, и усложненный для управления ими мозг, идентифицированы имена. Но свидетельств Развития нет: дельфинов всего порядка 200 тысяч в мировом океане при том, что океан – это более емкая среда обитания, чем суша: во-первых пространство доступно в трех измерениях, во-вторых его просто физически больше: 2/3 поверхности планеты. Но дельфины не преодолевают никаких ограничений, т.к. не знают о них. Поэтому дельфины живут в рамках естественных ограничений своей экологической ниши, не пытаясь выйти за них ни на миллиметр.

А как применен язык людьми? Мы получили концепцию препятствия. Без концепции препятствия (проблемы) не может быть её теоретического решения (в виде постановки цели) и преодоления (в виде достижения цели). Далее мораль и этика (отношение к препятствию) обеспечивает нам метод в виде возможности оценки достижения цели.

Природа выходит за границы своих ограничений случайно (мутации и отбор), поэтому в сущности она не понимает, что происходит. Нет проблем – нет решений – нет достижений. Для природы ничего не изменяется в процессе естественного развития,

т.к. к этому у нее нет отношения: что бы не произошло, это не хорошо и не плохо для природы (нет морали и этики), т.к. нет средства (языка).

У Человека есть и средство, и концепция, и отношение к ней. В этом его специфика. И именно поэтому он вышел за пределы и своей экологической ниши, а потом и за пределы планеты, и, я надеюсь, выдет и за пределы своей сущности. Смерть я отмечаю только потому, что это абсолютное препятствие. И человек это понял сразу, как только у него возникла концепция препятствия во временном континууме. И именно по этой причине в исследованиях антропологов начало ритуальных захоронений совпадает по времени с резким усложнением материальной культуры.

Время Хайдеггера

Там, наверное, совсем не надо
будет умирать...

– Егор Летов, *Всё идет по плану*

Знаешь, какая жизнь будет?
Помирать не надо...

– Чапаев

Пользуясь материалом Дерека Бикертонa, мы установили, как человек «выпрыгивает» из ситуации «здесь и сейчас» с помощью «прочтения» индексных знаков – следов добычи, преобразующихся в иконические знаки – первую графику для рекрутинга, затем смыкающихся с выкриками сигнальной ситемы в слова-символы и речь. Главное в этом процессе то, что символы оказались абстрактны, что позволило работать с ними в системе времен языка. По сути, символическая абстракция языка позволила создать человеку несуществующие в реальности времена: прошлое и будущее, через формы символического языка.

Многие исследователи подходят вплотную к осознанию фундаментальной важности появления системы времен в языке. Вот несколько цитат из интересного рассуждения *Luca Berta* в статье «Смерть и эволюция языка» 2010 года:

«Необходимо принимать во внимание нечто выходящее за рамки настоящего, а это возможно только с помощью символического языка.»

«Разум – это орган, способный оторваться от реальности и насильственно внедрить возможное в гомеостатический и аутопоэтический круг, через который также регулируются реальные телесные состояния; таким образом, возможное изменяет реальное.»

«Проблема смерти (чужой, своей собственной) установила испытательный стенд, на котором любая семиотическая система, основанная на индексальной ссылке, терпит неудачу, и требуется смещенная ссылка.»

По существу, это намеки на систему времен другими словами, типа «смещенной ссылки», как способ выйти за рамки настоящего, но Берта не говорит об этом прямо, хотя в статье, рассуждает именно о когнитивных аспектах «понимания».

Создавая движение абстрактных моделей во времени, мы обретаем «понимание» процессов и понимание как таковое. Обращаясь, наконец, к Хайдеггеру: *«В интерпретации времени как возможного горизонта любой понятности бытия вообще...»* По существу, способность понимать и есть разум. А «понимание» в свою очередь высвечивает не столько само бытие – оно имеется у существующего разума как данность – сколько проблемы бытия, а точнее, проблемы жизни, требующие преодоления. И если животным не нужно понимание проблем, чтобы их избегать, то человеку достаточно знать о проблемах бытия, а не о самом бытии, чтобы заботиться о нем. Возможно, что подлинная сущность бытия никогда не будет раскрыта человеком, а способность к этому появится только после качественного перехода человеческой системы в сверхчеловеческую. Т.е. в момент абсолютного преодоления смерти. Возможно, что ясно посмотреть на бытие как явление сможет только «сверхжизнь», у которой нет смерти. На мой взгляд, тема бытия на нашем качественном уровне развития пока не доступна. Итак, я предлагаю следующую иерархию развития:

- 1) животные – это живые существа, но не знающее о смерти, т.к. они находятся в моменте, где смерти не существует. Развитие животного мира строится на избегании проблемы смерти, где средство развития – сама смерть;
- 2) человек – это социально-когнитивная система, оказавшаяся в абстрактном времени, созданном его языком. Система человека определена пониманием проблемы смерти, а ее развитие состоит в движении к её абсолютному преодолению. О понимании человеком бытия и отношении к нему, как рассматривает человека Хайдеггер, я не веду речь вообще. Объективно не только бытие, но и феномен жизни человеком пока не понят и не определен. Поэтому отношения человека ни к бытию, ни к жизни быть не может;
- 3) сверхчеловек – это сверхсистема по отношению к человеку. Сверхсистема, определенная преодолением смерти для жизни, но не небытия для бытия. Т.к. бытие и жизнь разные сущности. Возможно, развитие сверхчеловека будет заключаться в познании бытия как

сверхсущности по отношению к жизни, или бытия по отношению к небытию.

Так вот, именно «систему времен языка» по сути и рассматривает Мартин Хайдеггер в своем сочинении «Бытие и время». Странно только то, что Хайдеггер заменяет очевидные формы времен языка философскими конструктами типа *Dasein*. Отчего идея Хайдеггера: «понимание формирует отношение», у него получается слишком сложной для восприятия. И еще раз повторю, что Хайдеггер постулирует «понимание человеком бытия», а я утверждаю, что человек пока способен понять только «проблему жизни», т.е. «смерть».

Хайдеггером сооружены специальные символы, чтобы ощутить феномен времени без форм времени. Наверное, так же неудобно спать на потолке. Но, как мы видим, при желании это сделать можно :) Таким образом, в каких-то моментах я согласен с Хайдеггером, и некоторые ценные мысли Хайдеггера я позволю себе использовать в защиту своей гипотезы.

С. 240 «Смерть выявлена как экзистенциальный феномен.»

И действительно, без выявления смерти как феномена не обойтись. Хотя точнее было бы сказать, что смерть – это не подлинная экзистенция, а производная подлинной экзистенции – жизни, как феномен её прекращения. Феномен несуществования некогда существовавшего. Здесь без представления о прошлом, которого уже нет, не обойтись. Значит необходима абстрактная модель прошлого, где несуществующее все ещё существует. Получается, что впустить феномен смерти в сознание можно только абстрактно, когда некоего существования уже нет в реальности. Либо, когда существующее еще есть, но в некоторой будущей реальности его может не существовать. Как говорил Эпикур и не только он, либо мы живы и смерти ещё нет, либо смерть есть, но уже нет нас. Поэтому, феноменологическое восприятие смерти требует представления о времени, которого тоже не существует, пока нет мира, который мог бы существовать в этом времени. Значит, для получения экзистенции времени необходима экзистенция мира, альтернативного реальному, которого однозначно нет в реальности – необходим абстрактный мир прошлого, и абстрактные миры будущего.

С. 244 «Со зрелостью плод вполне закончен. Есть ли однако смерть, к которой идет присутствие, законченность в

этом смысле? Присутствие правда со своей смертью "закончило свой путь". Обязательно ли оно при этом исчерпало и свои специфические возможности? Не наоборот ли, они у него скорее отняты? И "неисполнившееся" присутствие кончается.»

С точки зрения Живой природы, если можно так сказать, так как у природы нет «точки зрения», смерть является необходимым этапом развития. Поскольку развитие в природе не осознано, то развитие не имеет целей и задач преодоления смерти как проблемы. В этой ситуации сама смерть становится средством развития. Смерть выступает необходимым и достаточно эффективным, по сравнению с неживой природой, механизмом развития: она отсекает то, что завершает цикл, чтобы можно было начать новый. В этом смысле смерть не отнимает, а наоборот, раскрывает те возможности, которые еще не были реализованы созревшим, раскрывшим свои возможности, плодом. Смерть совершает отбор из всех вариантов, которые неустанно предоставляет жизнь. В данном случае Хайдеггер описывает механизм реализации природного развития жизни, предоставление новых и новых возможностей тому, что не получило бы их, не будь созревшая законченность завершённой.

С. 246 «Смерть в широчайшем смысле есть феномен жизни.»

Именно так. Ценнейшее замечание. Смерть возникает только с появлением жизни. В неживой природе смерти как феномена нет. И живая природа в данном контексте стала качественным переходом в развитии неживой природы. Жизнь как феномен, как результат развития неживой природы, породила эффективное средство своего развития: смерть. С помощью этого средства объекты живой природы проходят свой жизненный цикл на порядок эффективнее с точки зрения временных и энергетических затрат в расчете на получаемый результат, чем объекты неживой природы.

С. 247-248 «Экзистенциальная интерпретация смерти лежит до всякой биологии и онтологии жизни. Она опять же впервые фундирует всякое биографоисторическое и этнолого-психологическое исследование смерти. "Типология" "умирания" как характеристика состояний и образов, в каких "переживается" уход из жизни, уже предполагает понятие

смерти. Сверх того психология "умирания" дает сведения скорее о "жизни" "умирающего" чем о самом умирании. Это лишь отсвет того, что присутствие не впервые умирает или даже не собственно умирает при и в переживании фактического ухода из жизни. Так же и концепции смерти у первобытных, их отношение к смерти в ворожбе и культе высвечивают прежде всего их понимание присутствия, чья интерпретация требует уже экзистенциальной аналитики и соответствующего понятия смерти.»

Интересно, как Хайдеггер со своей стороны приходит к тому же ключевому пункту, что мы выдвигали в главе «Идея развития»: что всякий ритуал, и всякий культ – даже самый ранний и самый примитивный, в обязательном порядке начинается с представления о смерти. Потому, что нельзя решать непоставленную задачу. Осыпание умершего цветами говорит нам в первую очередь о том, что этим осыпанием решается какая-то задача, в направлении какой-то цели. И это не просто осознание некой ситуативной смерти как события в ряду других событий, а осознание смерти как наиважнейшего проявления жизни. Сознание смерти как явления, относящегося ко всякой жизни. Но это отношение у человека проявляется уже не как у «объекта системы отбора» – когда смерть действует на него извне, будучи фактором развития живой природы как системы; а в качестве субъекта, понимающего себя как социально-когнитивную систему и смерть как проблему, препятствие для жизни «себя как системы». В этом случае ритуал: это попытка решить проблему. Хотя бы условно. Придумать то, чего нет, чего никто никогда не видел: вообразить себе «мир, вечно продолжающий жизнь». Этот «другой мир» был создан только ради того, чтобы «преодолеть проблему смерти» в том мире, где решение пока не возможно. И если известно, что до определенного момента в эволюции вида *Homo sapiens* никакого ритуала не было в принципе: мертвых просто убирали на свалку. Значит можно утверждать, что до появления ритуала протолюди о смерти не знали так же, как не знает о ней живая природа до сих пор.

С. 247-248 «Онтологический анализ бытия к концу не предвосхищает с другой стороны никакого занятия экзистентной позиции в отношении к смерти. Определением смерти как "конца" присутствия, т.е. бытия-в-мире, не выносятся никакого онтического решения о том, возможно ли "после смерти" еще

другое, высшее или низшее бытие, "продолжает" ли присутствие "жить" или даже, себя "переживая", "бессмертно". О "потустороннем" и его возможности онтически предрешается не больше чем о "посюстороннем", словно надо было бы предложить для "наставления" нормы и правила отношения к смерти.»

Здесь мы видим ситуацию, прямо противоположную той, с которой мы начали разбирать этику Аристотеля. Если рассматривать «добро и зло» по отдельности не имеет смысла, так как это дихотомия, то «жизнь» и «смерть» хоть и связаны, но все же это не дихотомия, а именно разные сущности. Я бы даже сказал, сущности разных уровней. Жизнь – это грандиозный феномен, до сих пор не познанный наукой: мы не можем еще взять некий «прах», или вещество и «запустить» в нем жизнь с нуля. А смерть – это явление, механизм прекращения жизни как феномена, и этим человек овладел вполне. Если на этом основании разделить их, то все встанет на свои места.

Фактически, Хайдеггер задается вопросом об отношении к экзистенции смерти, раз уж эта экзистенция им установлена. И остановись он на этом, то Хайдеггер сформулировал бы мораль так, как формулируем её мы. Но проходя далее, в абсолютно метафизическое по своей сути «...после смерти...», пытаясь найти онтологическим анализом «онтическое решение», а на самом деле находясь уже в поле метафизического решения проблемы смерти, он получил как бы «загрязненный материал» для своего «...онтологического анализа...», впутывая сюда «решение проблемы смерти» как неотъемлемую часть феномена жизни. Как будто проблема смерти решена самим феноменом жизни. Но это не так. Или как будто живая природа «хотела бы» решить проблему смерти. Но, если мы знаем о том, что для природы смерть – это средство развития, часть процесса развития, а не проблема, то мы со всей ясностью понимаем, что живая природа, как ни парадоксально, не нуждается в преодолении смерти. В преодолении смерти нуждается только человек, как система другого качества по отношению к природе.

Эти «нормы и правила отношения к смерти», конечно, существуют: это и есть мораль. И метафизика возникает как один из вариантов решения проблемы, т.е. после появления морали. Отношение к смерти порождается так же, как ко всему, что для нас есть во времени. Видимо, понимание смерти переживается настолько глубоко и трагично, что «решение» о жизни, преодолевающей смерть, воспринимается человеком настолько

глубоко неотвратно, что даже Хайдеггер не может разделить две разные сущности, рассматривая их как единое целое.

Попытка Хайдеггера найти «онтологическое решение» анализом «продолжения-жизни-через-смерть» не удастся, и Хайдеггер это признает, не замечая, к сожалению, что, одно лишь «отношение к смерти» выводит нас из системы «естественного отбора». То есть выводит из положения объекта действия механизма естественного отбора, где средство механизма – это смерть, то есть дает возможность человеку сознательно отказаться от смерти, обретая самостоятельную системность, или субъектность. Человек получает возможность «принять решение» об этом. Поэтому человеку больше не нужен отбор. Нам больше не нужна смерть так, как она нужна природе: мы неосознанное развитие отбором заменяем на осознанное развитие методом. Только лишь осознав любую проблему, мы строим метод: начинаем развитие «от задачи», «от проблемы», «к решению» и «к цели». Это и есть момент качественного перехода от животного к человеку.

С. 248 Наконец, вне области экзистенциального анализа смерти стоит то, что могло бы подлежать разбору под титулом "метафизика смерти". Вопросы, как и когда смерть "пришла в мир", какой "смысл" она может и должна иметь как зло и страдание в универсуме сущего, необходимо предполагают понимание не только бытийного характера смерти, но онтологии универсума сущего в целом и особенно онтологического прояснения зла и негативности вообще.

А вот всплывает метафизика, которая неявно существовала и в предыдущем абзаце Хайдеггера. Если бы не метафизика, то и речи никакой бы не было о «посюстороннем» или «потустороннем» мире: его именно метафизика создала, и больше никто кроме человека о «том мире» знать не знает, и знать не хочет.

В этом абзаце явно просматриваются устоявшиеся проблемы этики: «зло» как отдельная сущность, «онтологическое прояснение зла и негативности вообще». Как это сделать, если «зло» или «негативность» не существуют без единства с «добром» и «позитивностью»? Если же мы назовем смыслом «страдания и удовольствия» неосознанное избегание гибели; а для человека смыслом «добра и зла» осознанное преодоление смерти; то останется только взяться, собственно, за решение проблемы.

В целом, в своих работах Хайдеггер постулирует, что человек уникален не рациональностью, а своим особым отношением к бытию. Ну почти. Мартин Хайдеггер был совсем рядом. Если сказать так: человек, получив рациональность как систему времен языка, смог абстрактно воспринять бытие во времени, что позволило ему обнаружить проблему прекращения бытия, что в свою очередь вызвало у человека отношение к этой проблеме – этику, дало человеку уникальную возможность преодолевать проблему. То все встает на свои места. Тогда можно сказать, что маркер «человека» как явления – это Преодоление.

Итог

Популярная сегодня позиция, что человечество переросло себя технологически на самом деле верна с точностью до наоборот: человечество наконец-то доросло технологически до того, чем определило себя примерно 50000 лет назад, впервые преодолев смерть условностью ритуала. Мы уже совершаем преодоление смерти в реальности. Преодоление смерти воплощают развитые системы: общественные, социальные, промышленные, экономические, энергетические, медицинские, научные, исследовательские и технологические. Далеко не все, но большие, огромные массы людей получают питание, тепло и свет, воду и медицинскую помощь в таких масштабах и на таких уровнях, о чем властелины цивилизаций прошлого могли только мечтать. Мы реально преодолеваем смерть все большее и более дерзко. И наконец-то наш уровень развития позволяет задаться и абсолютной целью: преодолением смерти как проблемы для жизни. Вообще.

В свете предлагаемой гипотезы мы можем ясно понять не только то, что такое «человек», «этика» и «мораль», но в каких условиях и по какой причине они не существуют: это либо попытка забыть о проблеме, что означает движение назад, в расчеловечивание, в животное состояние. Через инстинкты и рефлексy в попытке вернуться в «рай неведения». Либо это «преодоление пределов» как переход в новое качество жизни, освободившейся от предела смерти. Возможность обрести Новый мир, где ценности «счастья», «любви» и «творчества» обретают истинную свободу. Сейчас мы смотрим на истинную свободу и условного истинного Творца – бога – на того, кем можем стать мы сами лишь сквозь замочную скважину великого предела: смерти. А оказавшись «там», за пределом, мы освободимся подлинно. Даже экзистенциально «умирать» для одной деятельности, выбирая другую, будет не нужно, если не нужно умирать никак.

Другое дело, когда и как возможно прийти к абсолютному Преодолению в реальном мире. Да, скорее всего это абсолютно сложно. Но это уже технический вопрос. И это уже вопрос решения конкретной задачи. Невозможно решить только непоставленную задачу. Любую поставленную задачу решить можно. Значит, если задача преодоления смерти как феномена будет поставлена, то когда-то она будет решена.

На этом пути много вопросов фундаментального характера. В ближайшее время возможна киборгизация мозга, его слияние с ИИ. Для этого математике необходима система времен. Как бы ни развита была математика сегодня, но системы времен в ней нет. Значит, ИИ никогда не поймет ни бытие, ни смерть, ни этику. А пока не будет этики, ИИ не будет способен к развитию. Известна темпоральная логика, но она не достаточно разработана, и применяется ограниченно. Если биология слишком сложна — все же миллиарды лет органика выстраивалась в сложнейшие системы и зависимости, то кремниевые или квантовые машины мы уже проектируем сами: этот путь пройти понятнее и проще. Еще есть возможность подключения к человечеству развитых видов животных с социальными системами, звуковыми способностями и крупным мозгом типа дельфинов. Дельфины вполне могут стать еще одной «когнитивно-социальной системой, понявшей сметь». С нашей помощью. И тогда им понадобится развитие. Привлечение любой творческой энергии ускорит развитие человечества. Для таких фундаментальных целей как преодоление смерти человечество нуждается не только в глобализации в рамках своего вида *Homo sapiens*, но и в привлечении других видов, а так же небиологически живых, но существующих систем типа ИИ. Придется освободиться от ксенофобии в даже в более широком смысле, чем расовый: сделать «человека» вневидовым, и небиологическим феноменом.

Литература

1. *Аристотель* Никомахова этика.
2. *Бикертон Д.* Язык Адама: Как люди создали язык, как язык создал людей. // М.: Языки славянских культур, 2012.
3. *Витгенштейн Л.* Лекция об этике, 1929.
4. *Моисей* Бытие: Первая книга Моисеева, Синодальный перевод РПЦ МП, редакция от 2000 года. URL: <http://patriarchia.ru/bible/gen/2/#gen-2.17> (дата обращения: 11.11.2019).
5. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла.
6. *Поппер К.Р.* Эволюционная эпистемология.
7. *Томаселло М.* Истоки человеческого общения, 2011.
8. *Триер, фон Л.* Дом, который построил Джек, 2018.
9. *Хайдеггер М.* Бытие и время.
10. *Харари Ю.Н.* Sapiens Краткая история человечества.
11. *Ясперс К.* Общая психопатология.
12. *Berta L.* Death and the Evolution of Language. / Hum Stud (2010) 33:425–444. DOI 10.1007/s10746-011-9170-4
13. *Yalom I.D.* Existential Psychotherapy. / N.Y.: "Basic Books", 1980 М.: "Класс", 1999 Перевод Т.С.Драбкиной
14. *Mayne, B., Berry, O., Davies, C. et al.* A genomic predictor of lifespan in vertebrates. Sci Rep 9, 17866 (2019). <https://doi.org/10.1038/s41598-019-54447-w>
15. *Olds, J., Milner, P.* Positive Reinforcement Produced by Electrical Stimulation of Septal Area and Other Regions of Rat Brain. / Journal of Comparative and Physiological Psychology, 47(6), 1954, 419—427. doi: 10.1037/h0058775
16. *Саваж-Румбо, Сьюзан* Об обезьянах, которые пишут / URL: <https://youtu.be/a8nDJaH-fVE?t=681> (дата обращения: 11.11.2019)
https://www.ted.com/talks/susan_savage_rumbaugh_the_gentle_genius_of_bonobos#t-516694
17. *La sierra de Atapuerca*, 1997-2021, <https://cvc.cervantes.es/actcult/atapuerca/>
18. Fundación Atapuerca <https://www.atapuerca.org>